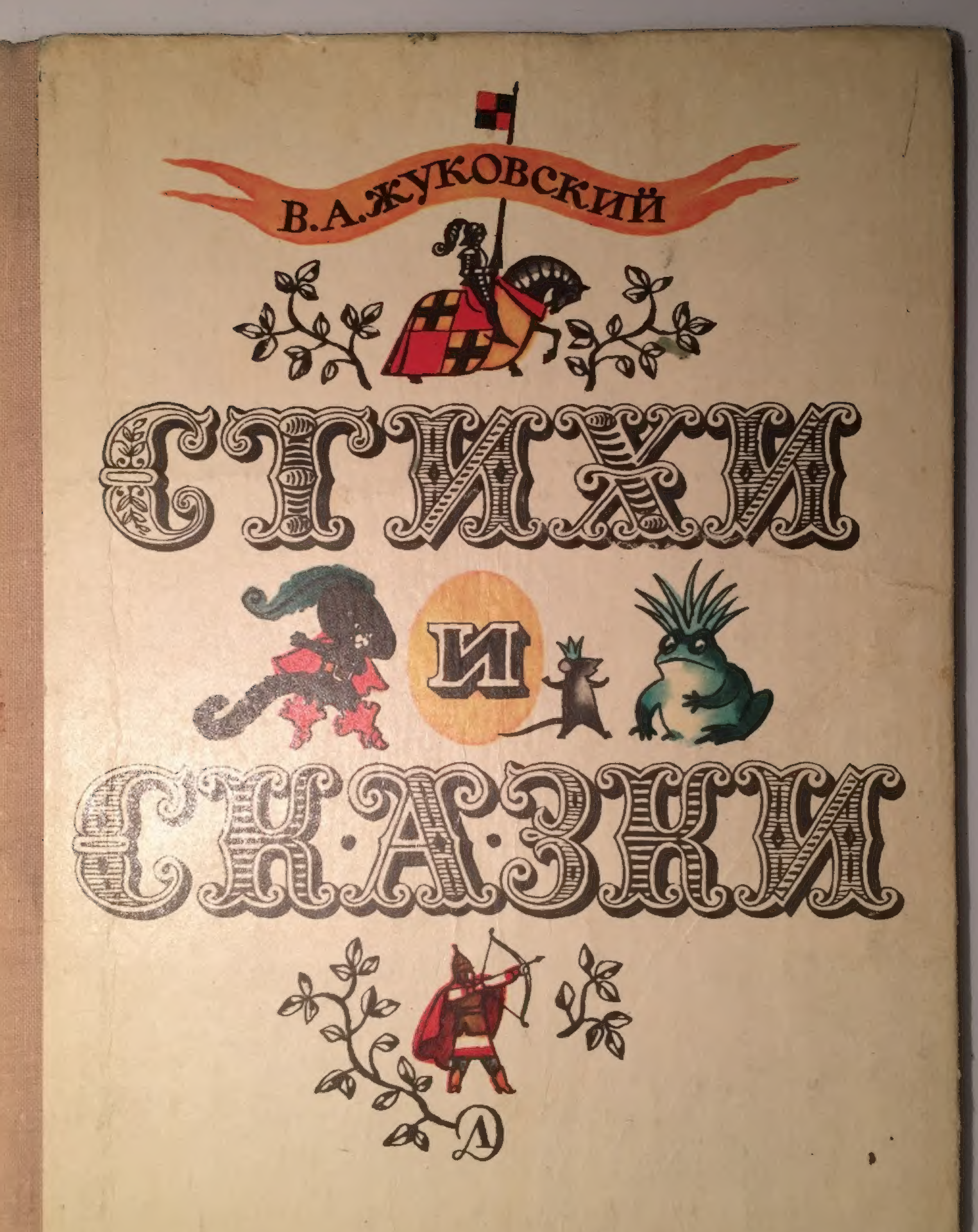

В. А. ЖУКОВСКИЙ
СТИХИ
И
СКАЗКИ
Д

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

СТИХИ И СКАЗКИ

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1977

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

Рисунки В. Власова

Оформление Ю. Киселева

Жуковский В. А.

Ж86 Стихи и сказки. Изд. 2-е. Рис. В. Власова. Оформл. Ю. Киселева. М., «Дет. лит.», 1977.

112 с. с ил. (Школьная б-ка).

Там котик усатый
По садику бродит,
А козлик рогатый
За котиком ходит...

Может быть, вы читали эти стихи. В книге много других стихов и сказок русского поэта Василия Андреевича Жуковского, предшественника Пушкина. Пушкин называл Жуковского «кормилицей русской поэзии».

Ж $\frac{70802-417}{М101(03)77}$ 124—77

Р1

СОДЕРЖАНИЕ

И. Воробьёва. Василий Андреевич Жуковский 3

СТИХИ

«Родного неба милый свет...» 9
«Там небеса и воды ясны!..» 10
Птичка . . . . —
Жаворонок 11
Котик и козлик . . . . —
Летний вечер . . . . —
Загадки 13
Вечер 14
Солнце и Борей . . . . —
Лесной царь *(Баллада)* 16
Море 17
Дружба 18

СКАЗКИ

Сказка об Иване-царевиче и Сером Волке 21
Спящая царевна 61
Мальчик с пальчик 73
Кот в сапогах 76
Война мышей и лягушек *(Отрывок)* . . 86
Одиссей в пещере циклопа *(Из поэмы «Одиссея»)* 98

Для начальной школы

Василий Андреевич Жуковский

СТИХИ И СКАЗКИ

ИБ № 1066

Ответственный редактор *Г. И. Гусева.* Художественный редактор *М. Д. Суховцева.* Технические редакторы *Е. В. Пальмова* и *И. П. Савенкова.* Корректор *Е. Е. Кайрукштис.* Сдано в набор 4/I 1977 г. Подписано к печати 4/VII 1977 г. Формат 70×90/16. Бум. офс. № 1. Печ. л. 7. Усл. печ. л. 8,19. Уч.-изд. л. 5,92. Тираж 600 000 экз. Заказ № 590. Цена 40 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ЖУКОВСКИЙ

(1783—1852)

Среди стихотворений Пушкина, посвящённых Жуковскому, есть одно, начинающееся такими словами:

> Его стихов пленительная сладость
> Пройдёт веков завистливую даль...

Предсказание Пушкина сбылось. Стихи и сказки Жуковского и сегодня — хотя они написаны около ста пятидесяти лет назад — пленяют и радуют нас. А происходит это потому, что они исполнены светлого чувства любви к людям, к природе, полны действия и написаны лёгким, живым и звучным языком.

Василий Андреевич Жуковский был сыном тульского помещика и пленной турчанки Сальхи, отданной ему в крепостные.

Хотя детство будущего поэта проходило в доме отца, оно не было счастливым. «Я не был оставлен, брошен, имел угол, — вспоминая о ран-

ней поре жизни, писал поэт, — но... не чувствовал ничьей любви». Когда Жуковскому пошёл пятнадцатый год, его поместили в одно из лучших учебных заведений того времени — Московский университетский пансион, который он и закончил с отличием. Его имя «лучшего из лучших учеников» было занесено на мраморную доску в зале пансиона.

По окончании пансиона Жуковский выступил как поэт-переводчик. Переводы Жуковского были сразу же замечены и высоко оценены знатоками литературы. Этот успех вселил в юношу веру в своё поэтическое дарование, и он решил посвятить себя всецело литературным трудам.

Жуковский первый познакомил русских читателей с лучшими произведениями мировой поэзии. Он переводил басни знаменитого французского баснописца Лафонтена, стихи и поэмы немецких и английских поэтов. «Более всего для русской литературы Жуковский сделал как переводчик», — говорил Алексей Максимович Горький. Но наряду с переводами и пересказами из иностранной поэзии у Жуковского были и произведения, рождённые впечатлениями русской жизни.

В 1812 году французский император Наполеон, считавшийся непобедимым полководцем, пошёл войной на Россию. Жуковский вступил в народное ополчение. После Бородинского сражения, положившего начало разгрому наполеоновской армии, он написал стихотворение «Певец во стане русских воинов». В нём поэт славил защитников родной земли и говорил о своей сыновней любви к ней.

Стихотворение это в самое короткое время стало известно всей России.

Вскоре Жуковский переехал из Москвы в Петербург. В сентябре 1815 года состоялось его знакомство с 16-летним Пушкиным, учившимся в ту пору в Лицее — школе для родовитых дворян, помещавшийся в пригороде Петербурга — Царском Селе.

Жуковский сразу понял, каким великим талантом наделён Пушкин.

«Я сделал ещё приятное знакомство с нашим молодым чудотворцем Пушкиным, — писал он в ту же осень поэту Вяземскому. — Я был у него в Саарском Селе[1]. Милое, живое творение. Это надежда нашей словесности... Нам всем необходимо соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастёт...» Эта встреча двух поэтов, совсем юного и уже прославленного, положила начало их дружбе, которую они сохранили навсегда. Жуковский был не только заботливым старшим другом Пушкина — он был и учителем его в поэзии. Когда же в 1820 году Пушкин прочитал Жуковскому только что законченную свою первую поэму «Руслан и Людмила», Жуковский подарил ему свой портрет, написав на нём: «Победителю ученику от побеждённого учителя...»

В 1826 году Жуковский совершил заграничное путешествие. В Германии он посетил всемирно прославленного поэта Гёте. Наслышанный о Пушкине, Гёте попросил Жуковского передать Пушкину перо, которым он

[1] Саарское Село — старинное название Царского Села; теперь город Пушкин.

только что писал. Жуковский охотно передал своему другу этот подарок. Пушкин сделал сафьяновый футляр, на котором было написано «Перо Гёте», и дорожил подарком.

Лето 1831 года Жуковский и Пушкин проводили в Царском Селе. Увлечённый народной поэзией, песнями и сказками, сам уже написавший «Сказку о попе и о работнике его Балде» и «Сказку о медведихе», Пушкин предложил Жуковскому поэтический турнир — состязание на лучший стихотворный пересказ русских сказок. Жуковский охотно принял вызов. В результате этого соревнования Пушкиным была написана «Сказка о царе Салтане», а Жуковским «Сказка об Иване-царевиче и Сером Волке» и «Сказка про царя Берендея». Работа над сказками очень полюбилась обоим поэтам. В последующие годы Пушкин пишет ещё несколько сказок. Новые сказки написал и Жуковский.

Жуковский интересовался не только творчеством русского народа, но и творчеством народов Ирана, Индии, Греции. Важнейшим трудом своей жизни он считал выполненный им перевод «Одиссеи» — стихотворной поэмы древнегреческого поэта Гомера. Он не раз выражал мечту о том, чтоб эта поэма, в которой нашли своё отражение представления древних греков о добре и зле, их обычаи и верования, полюбилась бы русским детям. «По-моему, — говорил Жуковский, — нет книги, которая была бы столь прилична первому периоду жизни, как «Одиссея», возбуждающая все способности души прелестью разнообразною».

Человек разносторонней одарённости и исключительного трудолюбия, Жуковский был не только замечательным поэтом, «гением перевода», по словам Пушкина, но и отличным музыкантом и превосходным рисовальщиком. Он хорошо гравировал на меди и сам иллюстрировал многие свои стихотворения. В небольшой виньетке к «Певцу во стане русских воинов» Жуковский изобразил своего певца, то есть самого себя, безбородым юношей, в казачьей куртке, стоящим с лирой перед бородачами-товарищами, расположившимися на земле подле сторожевого огня.

Жуковский постоянно работал над отделкой своих переводов и стихов. «Я уверен, что только тот почитает труд тяжёлым, кто не знает его, но именно тот его и любит, кто наиболее обременён им», — говорил он. Под конец жизни, когда поэт ослеп, он продолжал писать ощупью, при помощи изобретённой им машинки.

Жуковский был сердечным и добрым человеком. Используя свои связи с царским двором, он постоянно помогал тем писателям, которых притесняло правительство. Добивается смягчения участи Пушкина — замены грозившей ему ссылки в Соловки высылкой на Юг, — устраивает возвращение из ссылки писателя-революционера Герцена; благодаря его деятельной помощи, великого украинского поэта Тараса Шевченко удалось освободить от крепостной зависимости.

До нас дошло письмо Жуковского к одной из фрейлин двора, в котором он говорит о предстоящем выкупе из крепостной неволи Шевченко. В этом письме он нарисовал себя кувыркающимся от радости.

В память 22 апреля 1838 года — дня, когда Шевченко перестал быть крепостным, — он посвятил Жуковскому свою поэму «Катерина».

В 1837 году Жуковский совершил вместе с сыном царя, в воспитатели к которому был назначен с 1826 года, путешествие по России. Познакомившись в Сибири с невыносимыми условиями жизни декабристов, сосланных на каторжные работы, он хлопочет о смягчении их участи. Враг угнетения человека человеком, Жуковский ещё в 1822 году отпустил на волю своих крепостных.

Постоянно просивший за всех, кому царь грозил расправой, он в конце концов сам заслужил царскую немилость. Когда, заступаясь перед царём за очередного литератора, он сказал, что ручается за него, царь ему ответил: «А за тебя кто поручится?»

После гибели Пушкина Жуковский написал письмо шефу жандармов Бенкендорфу, в котором гневно обрушился на него, а с ним вместе и на самого царя и его приближённых за те притеснения, какие они чинили Пушкину на протяжении всей его жизни. Письмо это помогло нам распознать виновников безвременной смерти поэта.

В 1839 году Жуковский подал в отставку, которую царь принял.

Последние годы своей жизни он провёл за границей, где и скончался в возрасте шестидесяти девяти лет.

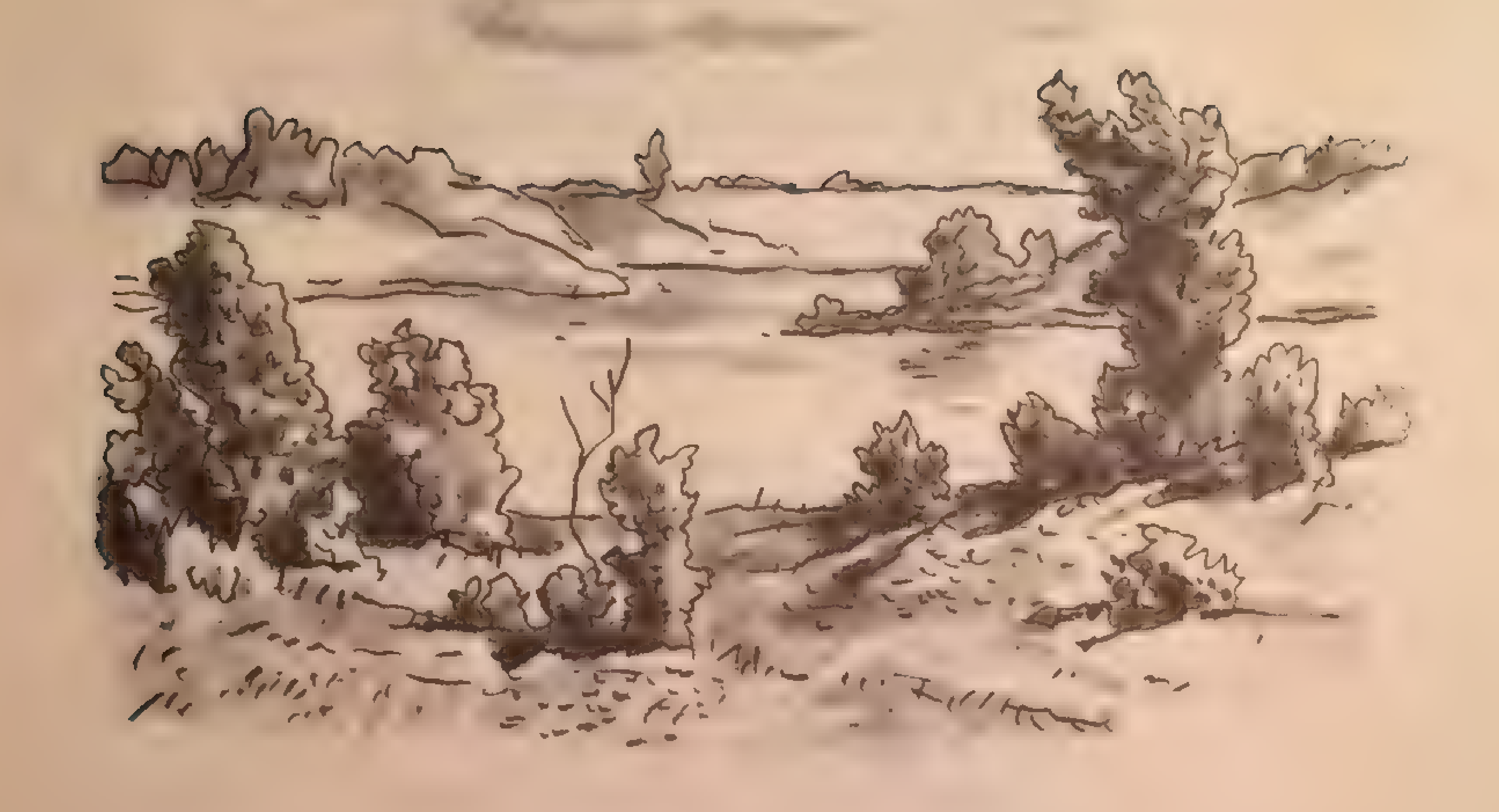
Хотя Жуковский писал главным образом грустные стихи, писал о печальном, переводя и пересказывая те произведения иностранных поэтов, в которых они с особой силой восставали против неправды, в жизни он вовсе не был грустным, хмурым человеком. Он любил и других повеселить, и сам повеселиться с друзьями: любил и умел ценить острое слово, весёлую шутку. Эта его любовь к остроумному, забавному нашла своё отражение и в ряде его оригинальных стихов, и в пересказанных им сказках. Он особенно ценил способность сказок развивать фантазию, их, как он говорил, «привлекательность».

Жуковский писал для взрослых, но есть у него и несколько стихотворений, написанных специально для детей — для его маленьких сына и дочки: «Жаворонок», «Птичка летает», «Котик и козлик» и сказочка «Мальчик с пальчик». Тот, кто их хоть раз прочтёт, навсегда запомнит — такие они простые и в то же время музыкальные, поэтические.

Будить в сердцах людей добрые, светлые чувства всегда было заботой Жуковского.

И. Воробьёва

Стихи



* * *

Родного неба милый свет,
  Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
  И первых лет уроки,
Что вашу прелесть заменит?
  О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
  Тебя благословляя?

* * *

Там небеса и воды ясны!
Там песни птичек сладкогласны!
    О родина, все дни твои прекрасны!
Где б ни был я, но всё с тобой
    Душой.
Ты помнишь ли, как под горою,
Осеребряемый росою,
    Белелся луч вечернею порою
И тишина слетала в лес
    С небес?
Ты помнишь ли наш пруд спокойный,
И тень от ив в час полдня знойный,
    И над водой от стада гул нестройный,
И в лоне вод, как сквозь стекло,
    Село?
Там на заре пичужка пела;
Даль озарялась и светлела;
    Туда, туда душа моя летела:
Казалось сердцу и очам —
    Всё там!..

ПТИЧКА

Птичка летает,
Птичка играет,
Птичка поёт;
Птичка летала,
Птичка играла,
Птички уж нет!
Где же ты, птичка?
Где ты, певичка?
В дальнем краю
Гнёздышко вьёшь ты;
Там и поёшь ты
Песню свою.

ЖАВОРОНОК

На солнце тёмный лес зардел,
В долине пар белеет тонкий,
И песню раннюю запел
В лазури жаворонок звонкий.

Он голосисто с вышины
Поёт, на солнышке сверкая:
Весна пришла к нам молодая,
Я здесь пою приход весны.

КОТИК И КОЗЛИК

Там котик усатый
По садику бродит,
А козлик рогатый
За котиком ходит;
И лапочкой котик
Помадит свой ротик;
А козлик седою
Трясёт бородою.

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Знать, солнышко утомлено:
За горы прячется оно;
Луч погашает за лучом
И, алым тонким облачком
Задёрнув лик усталый свой,
Уйти готово на покой.

Пора ему и отдохнуть;
Мы знаем, летний долог путь.
Везде ж работа: на горах,
В долинах, в рощах и лугах;

Того согрей; тем свету дай
И всех притом благословляй.

Буди заснувшие цветы
И им расписывай листы;
Потом медвяною росой
Пчелу-работницу напой
И чистых капель меж листов
Оставь про резвых мотыльков.

Зерну скорлупку расколи
И молодую из земли
Былинку выведи на свет;
Пичужкам приготовь обед;
Тех приюти между ветвей,
А тех на гнёздышке согрей.

И вишням дай румяный цвет,
Не позабудь горячий свет
Рассыпать на зелёный сад,
И золотистый виноград
От зноя листьями прикрыть,
И колос зрелостью налить.

А если жар для стад жесток,
Смани их к роще в холодок;
И тучку тёмную скопи,
И травку влагой окропи,
И яркой радугой с небес
Сойди на тёмный луг и лес.

А где под острою косой
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сияй
И сено в копны собирай,
Чтоб к ночи луг от них пестрел
И с ними ряд возов скрипел.

Итак, совсем не мудрено,
Что разгорелося оно,
Что отдыхает на горах
В полупотухнувших лучах
И нам, сходя за небосклон,
В прохладе шепчет: «Добрый сон!»

ЗАГАДКИ

Не человечьими руками
    Жемчужный разноцветный мост
Из вод построен над водами.
    Чудесный вид! огромный рост!
Раскинув паруса шумящи,
    Не раз корабль под ним проплыл;
Но на хребет его блестящий
    Ещё никто не восходил.
Идёшь к нему — он прочь стремится
    И в то же время недвижим;
С своим потоком он родится
    И вместе исчезает с ним.

(Радуга)

На пажити необозримой,
    Не убавляясь никогда,
Скитаются неисчислимо
    Сереброрунные стада.
В рожок серебряный играет
    Пастух, приставленный к стадам:
Он их в златую дверь впускает
    И счёт ведёт им по ночам.
И, недочёта им не зная,
    Пасёт он их давно, давно,
Стада поит вода живая,
    И умирать им не дано.

Они одной дорогой бродят
Под стражей пастырской руки,
И юноши их там находят,
Где находили старики;
У них есть вождь — *Овен* прекрасный,
Их сторожит огромный *Пес*,
Есть *Лев* меж ними неопасный
И *Дева* — чудо из чудес.

(Небо. Звёзды)

ВЕЧЕР

Уж вечер... облаков померкнули края,
Последний луч зари на башнях умирает;
Последняя в реке блестящая струя
С потухшим небом угасает.

Всё тихо: рощи спят; в окрестности покой;
Простёршись на траве под ивой наклонённой,
Внимаю, как журчит, сливаяся с рекой,
Поток, кустами осенённый.

Как слит с прохладою растений фимиам![1]
Как сладко в тишине у брега струй плесканье!
Как тихо веянье зефира[2] по водам
И гибкой ивы трепетанье!

СОЛНЦЕ И БОРЕЙ

Солнцу раз сказал Борей[3]:
«Солнце, ярко ты сияешь!
Ты всю землю оживляешь

---

[1] Фимиáм (греч.) — благоухание.
[2] Зефи́р — лёгкий ветер.
[3] Боре́й — северный ветер. У древних греков Борей — бог северо-восточного ветра.

Теплотой своих лучей!..
Но сравнишься ль ты со мною?
Я сто раз тебя сильней!
Захочу — пущусь, завою
И в минуту мраком туч
Потемню твой яркий луч.
Всей земле своё сиянье
Ты без шума раздаёшь,
Тихо на небо взойдёшь,
Продолжаешь путь в молчанье,
И закат спокоен твой!
Мой обычай не такой!
С рёвом, свистом я летаю,
Всем верчу, всё возмущаю,
Всё дрожит передо мной!
Так не я ли царь земной?..
И труда не будет много
То на деле доказать!
Хочешь власть мою узнать?
Вот, гляди: большой дорогой
Путешественник идёт;
Кто скорей с него сорвёт
Плащ, которым он накрылся,
Ты иль я?..» И вмиг Борей
Всею силою своей,
Как неистовый, пустился
С путешественником в бой.
Тянет плащ с него долой.
Но напрасно он хлопочет...
Путешественник вперёд
Всё идёт себе, идёт,
Уступить никак не хочет
И плаща не отдаёт.
Наконец Борей в досаде
Замолчал; и вдруг из туч
Показало Солнце луч,
И, при первом Солнца взгляде
Оживлённый теплотой,

Путешественник по воле
Плащ, ему не нужный боле,
Снял с себя своей рукой!
Солнце весело блеснуло
И сопернику шепнуло:
«Безрассудный мой Борей!
Ты расхвастался напрасно!
Видишь: злобы самовластной
Милость кроткая сильней!»

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

(Баллада)

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.
К отцу, весь издрогнув, малютка приник;
Обняв, его держит и греет старик.

— Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?
— Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул:
Он в тёмной короне, с густой бородой.
— О нет, то белеет туман над водой.

«Дитя, оглянися; младенец, ко мне,
Весёлого много в моей стороне:
Цветы бирюзовы, жемчужны струи;
Из золота слиты чертоги[1] мои».

— Родимый, лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы[2] и радость сулит.
— О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листы.

«Ко мне, мой младенец; в дуброве моей
Узнаешь прекрасных моих дочерей:

---

[1] Чертóг — дворец.
[2] Пéрлы — жемчуга.

При месяце будут играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять».

— Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из тёмных ветвей.
— О нет, всё спокойно в ночной глубине:
То вётлы седые стоят в стороне.

«Дитя, я пленился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой».
— Родимый, лесной царь нас хочет догнать;
Уж вот он: мне душно, мне тяжко дышать.

Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок погоняет, ездок доскакал...
В руках его мёртвый младенец лежал.

МОРЕ

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарован над бездной твоей.
Ты живо; ты дышишь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мне глубокую тайну твою:
Что движет твоё необъятное лоно?
Чем дышит твоя напряжённая грудь?
Иль тянет тебя из земныя неволи
Далёкое, светлое небо к себе?..
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто в присутствии чистом его:
Ты льёшься его светозарной лазурью,
Вечерним и утренним светом горишь,
Ласкаешь его облака золотые
И радостно блещешь звезда́ми его.

Когда же сбираются тёмные тучи,
Чтоб ясное небо отнять у тебя —
Ты бьёшься, ты воешь, ты волны подъемлешь,
Ты рвёшь и терзаешь враждебную мглу...
И мгла исчезает, и тучи уходят;
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блеск возвращённых небес
Не вовсе тебе тишину возвращает;
Обманчив твоей неподвижности вид:
Ты в бездне покойной скрываешь смятенье,
Ты, небом любуясь, дрожишь за него.

ДРУЖБА

Скатившись с горной высоты,
Лежал на прахе дуб, перунами[1] разбитый;
А с ним и гибкий плющ, кругом его обвитый...
О Дружба, это ты!

---

[1] Перýн — бог грома и молний у древних славян.

Сказки

СКАЗКА
ОБ ИВАНЕ-ЦАРЕВИЧЕ
И СЕРОМ ВОЛКЕ

Давным-давно был в некотором царстве
Могучий царь, по имени Демьян
Данилович. Он царствовал премудро;
И было у него три сына: Клим-
Царевич, Пётр-царевич и Иван-
Царевич. Да ещё был у него
Прекрасный сад, и чудная росла

В саду том яблоня; всё золотые
Родились яблоки на ней. Но вдруг
В тех яблоках царёвых оказался
Великий недочёт; и царь Демьян
Данилович был так тем опечален,
Что похудел, лишился аппетита
И впал в бессонницу. Вот наконец,
Призвав к себе своих трёх сыновей,
Он им сказал: «Сердечные друзья
И сыновья мои родные, Клим-
Царевич, Пётр-царевич и Иван-
Царевич, должно вам теперь большую
Услугу оказать мне; в царский сад мой
Повадился таскаться ночью вор;
И золотых уж очень много яблок
Пропало; для меня ж пропажа эта
Тошнее смерти. Слушайте, друзья:
Тому из вас, кому поймать удастся
Под яблоней ночного вора, я
Отдам при жизни половину царства;
Когда ж умру, и всё ему оставлю
В наследство». Сыновья, услышав то,
Что им сказал отец, уговорились
Поочерёдно в сад ходить и ночь
Не спать, и вора сторожить. И первый
Пошёл, как скоро ночь настала, Клим-
Царевич в сад и там залёг в густую
Траву под яблоней, и с полчаса
В ней пролежал, да и заснул так крепко,
Что полдень был, когда, глаза продрав,
Он поднялся, во весь зевая рот.
И, возвратясь, царю Демьяну он
Сказал, что вор в ту ночь не приходил.
Другая ночь настала; Пётр-царевич
Сел сторожить под яблонею вора;
Он целый час крепился, в темноту
Во все глаза глядел, но в темноте
Всё было пусто; наконец и он,

Не одолев дремоты, повалился
В траву и захрапел на целый сад.
Давно был день, когда проснулся он.
Пришед к царю, ему донёс он так же,
Как Клим-царевич, что и в эту ночь
Красть царских яблок вор не приходил.
На третью ночь отправился Иван-
Царевич в сад по очереди вора
Стеречь. Под яблоней он притаился,
Сидел не шевелясь, глядел прилежно
И не дремал; и вот, когда настала
Глухая полночь, сад весь облеснуло
Как будто молнией; и что же видит
Иван-царевич? От востока быстро
Летит жар-птица, огненной звездою
Блестя и в день преобращая ночь.
Прижавшись к яблоне, Иван-царевич
Сидит, не движется, не дышит, ждёт,
Что будет? Сев на яблоню, жар-птица
За дело принялась и нарвала
С десяток яблок. Тут Иван-царевич,
Тихохонько поднявшись из травы,
Схватил за хвост воровку; уронив
На землю яблоки, она рванулась
Всей силою и вырвала из рук
Царевича свой хвост и улетела;
Однако у него в руках одно
Перо осталось, и такой был блеск
От этого пера, что целый сад
Казался огненным. К царю Демьяну
Пришед, Иван-царевич доложил
Ему, что вор нашёлся и что этот
Вор был не человек, а птица; в знак же,
Что правду он сказал, Иван-царевич
Почтительно царю Демьяну подал
Перо, которое он из хвоста
У вора вырвал. С радости отец
Его расцеловал. С тех пор не стали

Красть яблок золотых, и царь Демьян
Развеселился, пополнел и начал
По-прежнему есть, пить и спать. Но в нём
Желанье сильное зажглось: добыть
Воровку яблок, чу́дную жар-птицу.
Призвав к себе двух старших сыновей,
«Друзья мои, — сказал он, — Клим-царевич
И Пётр-царевич, вам уже давно
Пора людей увидеть и себя
Им показать. С моим благословеньем
И с помощью господней поезжайте
На подвиги и наживите честь
Себе и славу; мне ж, царю, достаньте
Жар-птицу; кто из вас её достанет,
Тому при жизни я отдам полцарства,
А после смерти всё ему оставлю
В наследство». Поклонясь царю, немедля
Царевичи отправились в дорогу.
Немного времени спустя пришёл
К царю Иван-царевич и сказал:
«Родитель мой, великий государь
Демьян Данилович, позволь мне ехать
За братьями; и мне пора людей
Увидеть и себя им показать,
И честь себе нажить от них и славу.
Да и тебе, царю, я угодить
Желал бы, для тебя достав жар-птицу.
Родительское мне благословенье
Дай и позволь пуститься в путь мой с богом!»
На это царь сказал: «Иван-царевич,
Ещё ты молод, погоди; твоя
Пора придёт; теперь же ты меня
Не покидай; я стар, уж мне недолго
На свете жить; а если я один
Умру, то на кого покину свой
Народ и царство?» Но Иван-царевич
Был так упрям, что напоследок царь
И нехотя его благословил.

И в путь отправился Иван-царевич;
И ехал, ехал и приехал к месту,
Где разделялася дорога на три.
Он на распутье том увидел столб,
А на столбе такую надпись: *Кто*
Поедет прямо, будет всю дорогу
И голоден и холоден; кто вправо
Поедет, будет жив, да конь его
Умрёт, а влево кто поедет, сам
Умрёт, да конь его жив будет. Вправо,
Подумавши, поворотить решился
Иван-царевич. Он недолго ехал;
Вдруг выбежал из леса Серый Волк
И кинулся свирепо на коня;
И не успел Иван-царевич взяться
За меч, как был уж конь заеден,
И Серый Волк пропал. Иван-царевич,
Повесив голову, пошёл тихонько
Пешком; но шёл недолго; перед ним
По-прежнему явился Серый Волк
И человечьим голосом сказал:
«Мне жаль, Иван-царевич, мой сердечный,
Что твоего я доброго коня
Заел, но ты ведь сам, конечно, видел,
Что́ на столбу написано; тому
Так следовало быть; однако ж ты
Свою печаль забудь и на меня
Садись; тебе я верою и правдой
Служить отныне буду. Ну, скажи же,
Куда теперь ты едешь и зачем?»
И Серому Иван-царевич Волку
Всё рассказал. А Серый Волк ему
Ответствовал: «Где отыскать жар-птицу,
Я знаю; ну, садися на меня,
Иван-царевич, и поедем с богом».
И Серый Волк быстрее всякой птицы
Помчался с седоком; и с ним он в полночь
У каменной стены остановился.

«Приехали, Иван-царевич! — Волк
Сказал, — но слушай, в клетке золотой
За этою оградою висит
Жар-птица; ты её из клетки
Достань тихонько, клетки же отнюдь
Не трогай: попадёшь в беду». Иван-
Царевич перелез через ограду;
За ней в саду увидел он жар-птицу
В богатой клетке золотой, и сад
Был освещён, как будто солнцем. Вынув
Из клетки золотой жар-птицу, он
Подумал: «В чём же мне её везти?»
И, позабыв, что Серый Волк ему
Советовал, взял клетку; но отвсюду
Проведены к ней были струны; громкий
Поднялся звон, и сторожа проснулись
И в сад сбежались, и в саду Ивана-
Царевича схватили — и к царю
Представили, а царь (он назывался
Далматом) так сказал: «Откуда ты?
И кто ты?» — «Я Иван-царевич; мой
Отец, Демьян Данилович, владеет
Великим, сильным государством; ваша
Жар-птица по ночам летать в наш сад
Повадилась, чтоб золотые красть
Там яблоки: за ней меня послал
Родитель мой, великий государь
Демьян Данилович». На это царь
Далмат сказал: «Царевич ты иль нет,
Того не знаю я; но, если правду
Сказал ты, то не царским ремеслом
Ты промышляешь; мог бы прямо мне
Сказать: «Отдай мне, царь Далмат, жар-птицу»,
И я тебе её руками б отдал
Во уважение того, что царь
Демьян Данилович, столь знаменитый
Своей премудростью, тебе отец.
Но слушай, я тебе мою жар-птицу

Охотно уступлю, когда ты сам
Достанешь мне коня Золотогрива;
Принадлежит могучему царю
Афрону он. За тридевять земель
Ты в тридесятое отправься царство
И у могучего царя Афрона
Мне выпроси коня Золотогрива
Иль хитростью какой его достань.
Когда ж ко мне с конём не возвратишься,
То по всему расславлю свету я,
Что ты не царский сын, а вор; и будет
Тогда тебе великий срам и стыд».
Повесив голову, Иван-царевич
Пошёл туда, где был им Серый Волк
Оставлен. Серый Волк ему сказал:
«Напрасно же меня, Иван-царевич,
Ты не послушался; но пособить
Уж нечем; будь вперёд умней; поедем
За тридевять земель к царю Афрону».
И Серый Волк быстрее всякой птицы
Помчался с седоком; и к ночи в царство
Царя Афрона прибыли они
И у дверей конюшни царской там
Остановились. «Ну, Иван-царевич,
Послушай, — Серый Волк сказал: — войди
В конюшню; конюха спят крепко; ты
Легко из стойла выведешь коня
Золотогрива; только не бери
Его уздечки: снова попадёшь в беду».
В конюшню царскую Иван-царевич
Вошёл, и вывел он коня из стойла;
Но, на беду, взглянувши на уздечку,
Прельстился ею так, что позабыл
Совсем о том, что Серый Волк сказал,
И снял с гвоздя уздечку. Но и к ней
Проведены отвсюду были струны;
Всё зазвенело; конюха вскочили;
И был с конём Иван-царевич пойман,

И привели его к царю Афрону,
И царь Афрон спросил сурово: «Кто ты?»
Ему Иван-царевич то ж в ответ
Сказал, что и царю Далмату. Царь
Афрон ответствовал: «Хороший ты
Царевич! Так ли должно поступать
Царевичам? И царское ли дело
Шататься по ночам и воровать
Коней? С тебя я буйную бы мог
Снять голову; но молодость твою
Мне жалко погубить; да и коня
Золотогрива дать я соглашусь,
Лишь поезжай за тридевять земель
Ты в тридесятое отсюда царство
Да привези оттуда мне царевну
Прекрасную Елену, дочь царя
Могучего Касима; если ж мне
Её не привезёшь, то я везде расславлю,
Что ты ночной бродяга, плут и вор».
Опять, повесив голову, пошёл
Туда Иван-царевич, где его
Ждал Серый Волк. И Серый Волк сказал:
«Ой ты, Иван-царевич! Если б я
Тебя так не любил, здесь моего бы
И духу не было. Ну, полно охать,
Садися на меня, поедем с богом
За тридевять земель к царю Касиму;
Теперь моё, а не твоё уж дело».
И Серый Волк опять скакать с Иваном-
Царевичем пустился. Вот они
Проехали уж тридевять земель,
И вот они уж в тридесятом царстве;
И Серый Волк, ссадив с себя Ивана-
Царевича, сказал: «Недалеко
Отсюда царский сад; туда один
Пойду я; ты ж меня дождись под этим
Зелёным дубом». Серый Волк пошёл
И перелез через ограду сада

И закопался в куст, и там лежал
Не шевелясь. Прекрасная Елена
Касимовна — с ней красные девицы
И мамушки и нянюшки — пошла
Прогуливаться в сад; а Серый Волк
Того и ждал: приметив, что царевна,
От прочих отделяся, шла одна,
Он выскочил из-под куста, схватил
Царевну, за спину её свою
Закинул и давай бог ноги. Страшный
Крик подняли и красные девицы,
И мамушки, и нянюшки; и весь
Сбежался двор[1], министры, камергеры[2]
И генералы; царь велел собрать
Охотников и всех спустить своих
Собак борзых и гончих — всё напрасно:
Уж Серый Волк с царевной и с Иваном-
Царевичем был далеко и след
Давно простыл; царевна же лежала
Без всякого движенья у Ивана-
Царевича в руках (так Серый Волк
Её, сердечную, перепугал).
Вот понемногу начала она
Входить в себя, пошевелилась, глазки
Прекрасные открыла и, совсем
Очнувшись, подняла их на Ивана-
Царевича и покраснела вся,
Как роза алая; и с ней Иван-
Царевич покраснел, и в этот миг
Она и он друг друга полюбили
Так сильно, что ни в сказке рассказать,
Ни описать пером того не можно.
И впал в глубокую печаль Иван-
Царевич: крепко, крепко не хотелось

---

[1] Двор — здесь: придворные, служащие во дворце.
[2] Камергéр — почётное звание, которое давалось некоторым придворным дворянам.

С царевною Еленою ему
Расстаться и её отдать царю
Афрону; да и ей самой то было
Страшнее смерти. Серый Волк, заметив
Их горе, так сказал: «Иван-царевич,
Изволишь ты кручиниться напрасно;
Я помогу твоей кручине: это
Не служба — службишка; прямая служба
Ждёт впереди». И вот они уж в царстве
Царя Афрона. Серый Волк сказал:
«Иван-царевич, здесь должны умненько
Мы поступить: я превращусь в царевну;
А ты со мной явись к царю Афрону,
Меня ему отдай и, получив
Коня Золотогрива, поезжай вперёд
С Еленою Касимовной; меня вы
Дождитесь в скрытном месте; ждать же вам
Не будет скучно». Тут, ударясь оземь,
Стал Серый Волк царевною Еленой
Касимовной. Иван-царевич, сдав
Его с рук на руки царю Афрону
И получив коня Золотогрива,
На том коне стрелой пустился в лес,
Где настоящая его ждала
Царевна. Во дворце ж царя Афрона
Тем временем готовилася свадьба,
И в тот же день с невестой царь к венцу
Пошёл; когда же их перевенчали
И молодой был должен молодую
Поцеловать, губами царь Афрон
С шершавою столкнулся волчьей мордой,
И эта морда за нос укусила
Царя, и не жену перед собой
Красавицу, а волка царь Афрон
Увидел. Серый Волк недолго стал
Тут церемониться: он сбил хвостом
Царя Афрона с ног и прянул в двери.
Все принялись кричать: «Держи, держи!

Лови, лови!» Куда ты! Уж Ивана-
Царевича с царевною Еленой
Давно догнал проворный Серый Волк;
И уж, сошед с коня Золотогрива,
Иван-царевич пересел на Волка,
И уж вперёд они опять, как вихри,
Летели. Вот приехали и в царство
Далматово они. И Серый Волк
Сказал: «В коня Золотогрива
Я превращусь, а ты, Иван-царевич,
Меня отдав царю и взяв жар-птицу,

По-прежнему с царевною Еленой
Ступай вперёд; я скоро догоню вас».
Так всё и сделалось, как Волк устроил.
Немедленно велел Золотогрива
Царь оседлать, и выехал на нём
Он с свитою придворной на охоту;
И впереди у всех он поскакал
За зайцем; все придворные кричали:
«Как молодецки скачет царь Далмат!»
Но вдруг из-под него на всём скаку
Юркнул шершавый Волк, и царь Далмат,
Перекувырнувшись с его спины,
Вмиг очутился головою вниз,
Ногами вверх и, по плечá ушедши
В распаханную землю, упирался
В неё руками и, напрасно силясь
Освободиться, в воздухе болтал
Ногами; вся к нему тут свита
Скакать пустилася; освободили
Царя; потом все принялися громко
Кричать: «Лови, лови! Трави, трави!»
Но было некого травить; на Волке
Уже по-прежнему сидел Иван-
Царевич, на коне ж Золотогриве
Царевна, и под ней Золотогрив
Гордился и плясал; не торопясь,
Большой дорогою они шажком
Тихонько ехали; и мало ль, долго ль
Их длилася дорога — наконец
Они доехали до места, где Иван-
Царевич Серым Волком в первый раз
Был встречен; и ещё лежали там
Его коня белеющие кости;
И Серый Волк, вздохнув, сказал Ивану-
Царевичу: «Теперь, Иван-царевич,
Пришла пора друг друга нам покинуть;
Я верою и правдою доныне
Тебе служил и ласкою твоею

Доволен, и, покуда жив, тебя
Не позабуду; здесь же на прощанье
Хочу тебе совет полезный дать:
Будь осторожен, люди злы; и братьям
Родным не верь. Молю усердно бога,
Чтоб ты домой доехал без беды
И чтоб меня обрадовал приятным
Известьем о себе. Прости, Иван-
Царевич». С этим словом Волк исчез.
Погоревав о нём, Иван-царевич,
С царевною Еленой на седле,
С жар-птицей в клетке за плечами, дале
Поехал на коне Золотогриве,
И ехали они дня три, четыре;
И вот, подъехавши к границе царства,
Где властвовал премудрый царь Демьян
Данилович, увидели богатый
Шатёр, разбитый на лугу зелёном;
И из шатра к ним вышли... кто же? Клим
И Пётр царевичи. Иван-царевич
Был встречею такою несказанно
Обрадован; а братьям в сердце зависть
Змеёй вползла, когда они жар-птицу
С царевною Еленой у Ивана-
Царевича увидели в руках:
Была им мысль несносна показаться
Без ничего к отцу, тогда как брат
Меньшой воротится к нему с жар-птицей,
С прекрасною невестой и с конём
Золотогривом и ещё получит
Полцарства по приезде; а когда
Отец умрёт, и всё возьмёт в наследство.
И вот они замыслили злодейство:
Вид дружеский принявши, пригласили
Они в шатёр свой отдохнуть Ивана-
Царевича с царевною Еленой
Прекрасною. Без подозренья оба
Вошли в шатёр. Иван-царевич, долгой

Дорогой утомлённый, лёг и скоро
Заснул глубоким сном; того и ждали
Злодеи-братья: мигом острый меч
Они ему вонзили в грудь, и в поле
Его оставили и, взяв царевну,
Жар-птицу и коня Золотогрива,
Как добрые, отправилися в путь.
А между тем, недвижим, бездыханен,
Облитый кровью, нá поле широком
Лежал Иван-царевич. Так прошёл
Весь день; уже склоняться начинало
На запад солнце; поле было пусто;
И уж над мёртвым с чёрным воронёнком
Носился, каркая и распустивши
Широко крылья, хищный ворон. Вдруг,
Откуда ни возьмись, явился Серый
Волк: он, беду великую почуяв,
На помощь подоспел; ещё б минута,
И было б поздно. Угадав, какой
Был умысел у ворона, он дал
Ему на мёртвое спуститься тело;
И только тот спустился, разом цап
Его за хвост; закаркал старый ворон.
«Пусти меня на волю, Серый Волк!» —
Кричал он. «Не пущу, — тот отвечал, —
Пока не принесёт твой воронёнок
Живой и мёртвой мне воды». И ворон
Велел лететь скорее воронёнку
За мёртвою и за живой водою.
Сын полетел, а Серый Волк, отца
Порядком скомкав, с ним весьма учтиво
Стал разговаривать, и старый ворон
Довольно мог ему порассказать
О том, что он видал в свой долгий век
Меж птиц и меж людей. И слушал
Его с большим вниманьем Серый Волк
И мудрости его необычайной
Дивился, но, однако, всё за хвост

Его держал и иногда, чтоб он
Не забывался, мял его легонько
В когтистых лапах. Солнце село; ночь
Настала и прошла; и занялась
Заря, когда с живой водой и мёртвой
В двух пузырьках проворный воронёнок
Явился. Серый Волк взял пузырьки
И ворона-отца пустил на волю.
Потом он с пузырьками подошёл
К лежавшему недвижимо Ивану-
Царевичу: сперва его он мёртвой
Водою вспрыснул — и в минуту рана
Его закрылася, окостенелость
Пропала в мёртвых членах, заиграл
Румянец на щеках; его он вспрыснул
Живой водой — и он открыл глаза,
Пошевелился, потянулся, встал
И молвил: «Как же долго прóспал я?» —
«И вечно бы тебе здесь спать, Иван-
Царевич, — Серый Волк сказал, — когда б
Не я; теперь тебе прямую службу
Я отслужил; но эта служба, знай,
Последняя; отныне о себе
Заботься сам. А от меня прими
Совет и поступи, как я тебе скажу.
Твоих злодеев-братьев нет уж боле
На свете; им могучий чародей
Кощей Бессмертный голову обоим
Свернул, и этот чародей навёл
На ваше царство сон; и твой родитель
И подданные все его теперь
Непробудимо спят; твою ж царевну
С жар-птицей и конём Золотогривом
Похитил вор Кощей; все трое
Заключены в его волшебном замке.
Но ты, Иван-царевич, за свою
Невесту ничего не бойся; злой
Кощей над нею власти никакой

Иметь не может: сильный талисман
Есть у царевны; выйти ж ей из замка
Нельзя; её избавит только смерть
Кощеева; а как найти ту смерть, и я
Того не ведаю; об этом Баба
Яга одна сказать лишь может. Ты,
Иван-царевич, должен эту Бабу
Ягу найти; она в дремучем, тёмном лесе,
В седом, глухом бору живёт в избушке
На курьих ножках; в этот лес ещё
Никто следа не пролагал; в него
Ни дикий зверь не заходил, ни птица
Не залетала. Разъезжает Баба
Яга по целой поднебесной в ступе,
Пестом железным погоняет, след
Метлою заметает. От неё
Одной узнаешь ты, Иван-царевич,
Как смерть Кощееву тебе достать.
А я тебе скажу, где ты найдёшь
Коня, который привезёт тебя
Прямой дорогой в лес дремучий к Бабе
Яге. Ступай отсюда на восток;
Придёшь на луг зелёный; посреди
Его растут три дуба; меж дубами
В земле чугунная зарыта дверь
С кольцом; за то кольцо ты подыми
Ту дверь и вниз по лестнице сойди;
Там за двенадцатью дверями заперт
Конь богатырский; сам из подземелья
К тебе он выбежит; того коня
Возьми и с богом поезжай; с дороги
Он не собьётся. Ну, теперь прости,
Иван-царевич; если бог велит
С тобой нам свидеться, то это будет
Не и́наче, как у тебя на свадьбе».
И Серый Волк помчался к лесу; вслед
За ним смотрел Иван-царевич с грустью;
Волк, к лесу подбежавши, обернулся,

В последний раз махнул издалека
Хвостом и скрылся. А Иван-царевич,
Оборотившись на восток лицом,
Пошёл вперёд. Идёт он день, идёт
Другой; на третий он приходит к лугу
Зелёному; на том лугу три дуба
Растут; меж тех дубов находит он
Чугунную с кольцом железным дверь;
Он подымает дверь; под тою дверью
Крутая лестница; по ней он вниз
Спускается, и перед ним внизу
Другая дверь, чугунная ж, и крепко
Она замком висячим заперта.
И вдруг, он слышит, конь заржал, и ржанье
Так было сильно, что, с петлей сорвавшись,
Дверь наземь рухнула с ужасным стуком;
И видит он, что вместе с ней упало
Ещё одиннадцать дверей чугунных;
За этими чугунными дверями
Давным-давно конь богатырский заперт
Был колдуном. Иван-царевич свистнул;
Почуяв седока, на молодецкий
Свист богатырский конь из стойла прянул
И прибежал, легóк, могуч, красив,
Глаза как звёзды, пламенные ноздри,
Как туча грива, — словом, конь не конь,
А чудо. Чтоб узнать, каков он силой,
Иван-царевич по спине его
Повёл рукой, и под рукой могучей
Конь захрапел и сильно пошатнулся,
Но устоял, копыта втиснув в землю;
И человечьим голосом Ивану-
Царевичу сказал он: «Добрый витязь,
Иван-царевич, мне такой, как ты,
Седок и надобен; готов тебе
Я верою и правдою служить;
Садися на меня, и с богом в путь наш
Отправимся; на свете все дороги

Я знаю; только прикажи, куда
Тебя везти, туда и привезу».
Иван-царевич в двух словах коню
Всё объяснил и, севши на него,
Прикрикнул. И взвился могучий конь,
От радости заржавши, на дыбы;
Бьёт по крутым бедра́м его седок;
И конь бежит, под ним земля дрожит;
Несётся выше он дерев стоячих,
Несётся ниже облаков ходячих,
И прядает через широкий дол,
И застилает узкий дол хвостом,
И грудью все заграды пробивает,
Летя стрелой и лёгкими ногами
Былиночки к земле не пригибая,
Пылиночки с земли не подымая.
Но, так скакав день целый, наконец
Конь утомился, пот с него бежал
Ручьями, весь был окружён, как дымом,
Горячим паром он. Иван-царевич,
Чтоб дать ему вздохнуть, поехал шагом;
Уж было под вечер; широким полем
Иван-царевич ехал и прекрасным
Закатом солнца любовался. Вдруг
Он слышит дикий крик; глядит... и что же?
Два Лешая дерутся на дороге,
Кусаются, брыкаются, друг друга
Рогами тычут. К ним Иван-царевич
Подъехавши, спросил: «За что у вас,
Ребята, дело стало?» — «Вот за что, —
Сказал один. — Три клада нам достались:
Драчун-дубинка, скатерть-самобранка
Да шапка-невидимка — нас же двое;
Как поровну нам разделиться? Мы
Заспорили, и вышла драка; ты
Разумный человек; подай совет нам,
Как поступить». — «А вот как, — им Иван-
Царевич отвечал. — Пущу стрелу,

А вы за ней бегите; с места ж, где
Она на землю упадёт, обратно
Пуститесь взапуски ко мне; кто первый
Здесь будет, тот возьмёт себе на выбор
Два клада; а другому взять один.
Согласны ль вы?» — «Согласны», — закричали
Рогатые и стали рядом. Лук
Тугой свой натянув, пустил стрелу
Иван-царевич; Лешие за ней
Помчались, выпуча глаза, оставив
На месте скатерть, шапку и дубинку.
Тогда Иван-царевич, взяв под мышку
И скатерть и дубинку, на себя
Надел спокойно шапку-невидимку,

Стал невидим и сам и конь, и дале
Поехал, глупым Лешаям оставив
На произвол, начать ли снова драку
Иль помириться. Богатырский конь
Поспел ещё до захожденья солнца
В дремучий лес, где обитала Баба
Яга. И, въехав в лес, Иван-царевич
Дивится древности его огромных
Дубов и сосен, тускло освещённых
Зарёй вечернею; и всё в нём тихо:
Деревья все как сонные стоят,
Не колыхнётся лист, не шевельнётся
Былинка; нет живого ничего
В безмолвной глубине лесной, ни птицы
Между ветвей, ни в травке червяка;
Лишь слышится в молчанье повсеместном
Гремучий топот конский. Наконец
Иван-царевич выехал к избушке
На курьих ножках. Он сказал: «Избушка,
Избушка, к лесу стань задом, ко мне
Стань передом». И перед ним избушка
Перевернулась; он в неё вошёл;
В дверях остановясь, перекрестился
На все четыре стороны, потом,
Как должно, поклонился и, глазами
Избушку всю окинувши, увидел,
Что на полу её лежала Баба
Яга, упёрши ноги в потолок
И в угол голову. Услышав стук
В дверях, она сказала: «Фу! фу! фу!
Какое диво! Русского здесь духу
До этих пор не слыхано слыхо́м,
Не видано видо́м, а нынче русский
Дух уж в очах свершается. Зачем
Пожаловал сюда, Иван-царевич?
Неволею иль волею? Доныне
Здесь ни дубравный зверь не проходил,
Ни птица лёгкая не пролетала,

Ни богатырь лихой не проезжал;
Тебя как бог сюда занёс, Иван-
Царевич?» — «Ах, безмозглая ты ведьма! —
Сказал Иван-царевич Бабе
Яге. — Сначала накорми, напой
Меня ты, молодца; да постели
Постелю мне, да выспаться мне дай,
Потом расспрашивай». И тотчас Баба
Яга, поднявшись на ноги, Ивана-
Царевича как следует обмыла
И выпарила в бане, накормила
И напоила, да и тотчас спать
В постелю уложила, так примолвив:
«Спи, добрый витязь; утро мудренее,
Чем вечер; здесь теперь спокойно
Ты отдохнёшь; нужду ж свою расскажешь
Мне завтра; я, как знаю, помогу».
Иван-царевич, богу помолясь,
В постелю лёг и скоро сном глубоким
Заснул и проспал до полудня. Вставши,
Умывшися, одевшися, он Бабе
Яге подробно рассказал, зачем
Заехал к ней в дремучий лес; и Баба
Яга ему ответствовала так:
«Ах! добрый молодец Иван-царевич,
Затеял ты нешуточное дело;
Но не кручинься, всё уладим с богом;
Я научу, как смерть тебе Кощея
Бессмертного достать; изволь меня
Послушать: нá море на Окиане,
На острове великом на Буяне
Есть старый дуб; под этим старым дубом
Зарыт сундук, окованный железом;
В том сундуке лежит пушистый заяц;
В том зайце утка серая сидит;
А в утке той яйцо; в яйце же смерть
Кощеева. Ты то яйцо возьми
И с ним ступай к Кощею, а когда

В его приедешь замок, то увидишь,
Что змей двенадцатиголовый вход
В тот замок стережёт; ты с этим змеем
Не думай драться, у тебя на то
Дубинка есть; она его уймёт.
А ты, надевши шапку-невидимку,
Иди прямой дорогою к Кощею
Бессмертному; в минуту он издохнет,
Как скоро ты при нём яйцо раздавишь.
Смотри лишь не забудь, когда назад
Поедешь, взять и гусли-самогуды:
Лишь их игрою только твой родитель
Демьян Данилович и всё его
Заснувшее с ним вместе государство
Пробуждены быть могут. Ну, теперь
Прости, Иван-царевич; бог с тобою;
Твой добрый конь найдёт дорогу сам;
Когда ж свершишь опасный подвиг свой,
То и меня, старуху, помяни
Не лихом, а добром». Иван-царевич,
Простившись с Бабою Ягою, сел
На доброго коня, перекрестился,
По-молодецки свистнул; конь помчался,
И скоро лес дремучий за Иваном-
Царевичем пропал вдали, и скоро
Мелькнуло впереди чертою синей
На крае неба море Окиан.
Вот прискакал и к морю Окиану
Иван-царевич. Осмотрясь, он видит,
Что у́ моря лежит рыбачий невод
И что в том неводе морская щука
Трепещется. И вдруг ему та щука
По-человечьи говорит: «Иван-
Царевич, вынь из невода меня
И в море брось; тебе я пригожуся».
Иван-царевич тотчас просьбу щуки
Исполнил, и она, хлестнув хвостом
В знак благодарности, исчезла в море.

А на море глядит Иван-царевич
В недоумении; на самом крае,
Где небо с ним как будто бы слилося,
Он видит, длинной полосою остров
Буян чернеет; он и недалёк;
Но кто туда перевезёт? Вдруг конь
Заговорил: «О чём, Иван-царевич,
Задумался? О том ли, как добраться
Нам до Буяна острова? Да что
За трудность! Я тебе корабль; сиди
На мне да крепче за меня держись,
Да не робей, и духом доплывём».
И в гриву конскую Иван-царевич
Рукою впутался, крутые бёдра
Коня ногами крепко стиснул; конь
Рассвирепел и, расскакавшись, прянул
С крутого берега в морскую бездну;
На миг и он и всадник в глубине
Пропали; вдруг раздвинулася с шумом
Морская зыбь, и вынырнул могучий
Конь из неё с отважным седоком;
И начал конь копытами и грудью
Бить по водам и волны пробивать,
И вкруг него кипела, волновалась,
И пенилась, и брызгами взлетала
Морская зыбь, и сильными прыжками,
Под крепкие копыта загребая
Кругом ревущую волну, как лёгкий
На парусах корабль с попутным ветром,
Вперёд стремился конь, и длинный след
Шипящею бежал за ним змеёю;
И скоро он до острова Буяна
Доплыл и на берег его отлогий
Из моря выбежал, покрытый пеной.
Не стал Иван-царевич медлить; он,
Коня пустив по шёлковому лугу
Ходить, гулять и травку медовую
Щипать, пошёл поспешным шагом к дубу,

Который рос у берега морского
На высоте муравчатого хо́лма.
И, к дубу подошед, Иван-царевич
Его шатнул рукою богатырской,
Но крепкий дуб не пошатнулся; он
Опять его шатнул — дуб скрипнул; он
Ещё шатнул его и посильнее,
Дуб покачнулся, и под ним коренья
Зашевелили землю; тут Иван-царевич
Всей силою рванул его — и с треском
Он повалился, из земли коренья
Со всех сторон, как змеи, поднялися,
И там, где ими дуб впивался в землю,
Глубокая открылась яма. В ней
Иван-царевич кованый сундук
Увидел; тотчас тот сундук из ямы
Он вытащил, висячий сбил замок,
Взял за уши лежавшего там зайца
И разорвал; но только лишь успел
Он зайца разорвать, как из него
Вдруг выпорхнула утка; быстро
Она взвилась и полетела к морю;
В неё пустил стрелу Иван-царевич,
И метко так, что пронизал её
Насквозь; закрякав, кувырнулась утка;
И из неё вдруг выпало яйцо,
И прямо в море; и пошло, как ключ,
Ко дну. Иван-царевич ахнул; вдруг,
Откуда ни возьмись, морская щука
Сверкнула на воде, потом юркнула,
Хлестнув хвостом, на дно, потом опять
Всплыла и, к берегу с яйцом во рту
Тихохонько приближась, на песке
Яйцо оставила, потом сказала:
«Ты видишь сам теперь, Иван-царевич,
Что я тебе в час нужный пригодилась».
С сим словом щука уплыла. Иван-
Царевич взял яйцо; и конь могучий

С Буяна острова на твёрдый берег
Его обратно перенёс. И дале
Конь поскакал и скоро прискакал
К крутой горе, на высоте которой
Кощеев замок был; её подошва
Обведена была стеной железной,
И у ворот железной той стены
Двенадцатиголовый змей лежал;
И из его двенадцати голов
Всегда шесть спали, шесть не спали, днём
И ночью по два раза для надзора
Сменяясь; а в виду ворот железных
Никто и вдалеке остановиться
Не смел: змей подымался, и от зуб
Его уж не было спасенья — он
Был невредим и только сам себя
Мог умертвить; чужая ж сила сладить
С ним никакая не могла. Но конь
Был осторожен; он подвёз Ивана-
Царевича к горе со стороны,
Противной воротáм, в которых змей
Лежал и караулил; потихоньку
Иван-царевич в шапке-невидимке
Подъехал к змею; шесть его голов
Во все глаза по сторонам глядели,
Разинув рты, оскалив зубы; шесть
Других голов на вытянутых шеях
Лежали на земле, не шевелясь,
И, сном объятые, храпели. Тут
Иван-царевич, подтолкнув дубинку,
Висевшую спокойно на седле,
Шепнул ей: «Начинай!» Не стала долго
Дубинка думать, тотчас прыг с седла,
На змея кинулась и ну его
По головам и спящим и неспящим
Гвоздить. Он зашипел, озлился, начал
Туда, сюда бросаться; а дубинка
Его себе колотит да колотит;

Лишь только он одну разинет пасть,
Чтобы её схватить, — ан нет, прошу
Не торопиться, уж она
Ему другую чешет морду; все он
Двенадцать ртов откроет, чтоб её
Поймать, — она по всем его зубам,
Оскаленным как будто напоказ,
Гуляет и все зубы чистит; взвыв
И все носы наморщив, он зажмёт
Все рты и лапами схватить дубинку
Попробует — она тогда его
Честит по всем двенадцати затылкам;
Змей в исступлении, как одурелый,
Кидался, выл, кувы́ркался, от злости
Дышал огнём, грыз землю - всё напрасно!
Не торопясь, отчётливо, спокойно,
Без промахов, над ним свою дубинка
Работу продолжает и его,
Как на току усердный цеп, молотит;
Змей наконец озлился так, что начал
Грызть самого себя и, когти в грудь
Себе вдруг запустив, рванул так сильно,
Что разорвался надвое и, с визгом
На землю грянувшись, издох. Дубинка
Работу и над мёртвым продолжать
Свою, как над живым, хотела; но
Иван-царевич ей сказал: «Довольно!»
И вмиг она, как будто не бывала
Ни в чём, повисла на седле. Иван-
Царевич, у ворот коня оставив
И разостлавши скатерть-самобранку
У ног его, чтоб мог усталый конь
Наесться и напиться вдоволь, сам
Пошёл, покрытый шапкой-невидимкой,
С дубинкою на всякий случай и с яйцом
В Кощеев замок. Трудновато было
Карабкаться ему на верх горы;
Вот, наконец, добрался и до замка

Кощеева Иван-царевич. Вдруг
Он слышит, что в саду недалекó
Играют гусли-самогуды; в сад
Вошедши, в самом деле он увидел,
Что гусли на дубу висели и играли
И что под дубом тем сама Елена
Прекрасная сидела, погрузившись
В раздумье. Шапку-невидимку снявши,
Он тотчас ей явился и рукою
Знак подал, чтоб она молчала. Ей
Потом он на ухо шепнул: «Я смерть
Кощееву принёс; ты подожди
Меня на этом месте; я с ним скоро
Управлюся и возвращусь; и мы
Немедленно уедем». Тут Иван-
Царевич, снова шапку-невидимку
Надев, хотел идти искать Кощея
Бессмертного в его волшебном замке,
Но он и сам пожаловал. Приближась,
Он стал перед царевною Еленой
Прекрасною и начал попрекать ей
Её печаль и говорить: «Иван-
Царевич твой к тебе уж не придёт;
Его уж нам не воскресить. Но чем же
Я не жених тебе, скажи сама,
Прекрасная моя царевна? Полно ж
Упрямиться, упрямство не поможет;
Из рук моих оно тебя не вырвет;
Уж я...» Дубинке тут шепнул Иван-
Царевич: «Начинай!» И принялась
Она трепать Кощею спину. С криком,
Как бешеный, коверкаться и прыгать
Он начал, а Иван-царевич, шапки
Не сняв, стал приговаривать: «Прибавь,
Прибавь, дубинка; поделом ему,
Собаке, не воруй чужих невест;
Не докучай своею волчьей харей
И глупым сватовством своим прекрасным

Царевнам; злого сна не наводи
На царства! Крепче бей его, дубинка!» —
«Да где ты? Покажись! — кричал Кощей. —
Кто ты таков?» — «А вот кто!» — отвечал
Иван-царевич, шапку-невидимку
Сняв с головы своей, и в то ж мгновенье
Ударил оземь он яйцо; оно
Разбилось вдребезги; Кощей Бессмертный
Перекувырнулся и околел.
Иван-царевич из саду с царевной
Еленою Прекрасной вышел, взять
Не позабывши гусли-самогуды,
Жар-птицу и коня Золотогрива.
Когда ж они с крутой горы спустились
И, севши на коней, в обратный путь
Поехали, гора, ужасно затрещав,
Упала с замком, и на месте том
Явилось озеро, и долго чёрный
Над ним клубился дым, распространяясь
По всей окрестности с великим смрадом.
Тем временем Иван-царевич, дав
Коням на волю их везти, как им
Самим хотелось, весело с прекрасной
Невестой ехал. Скатерть-самобранка
Усердно им дорогою служила,
И был всегда готов им вкусный завтрак,
Обед и ужин в надлежащий час:
На мураве душистой утром, в полдень
Под деревом густовершинным, ночью
Под шёлковым шатром, который был
Всегда из двух отдельных половин
Составлен. И за каждой их трапезой
Играли гусли-самогуды; ночью
Светила им жар-птица, а дубинка
Стояла на часах перед шатром;
Кони же, подружась, гуляли вместе,
Каталися по бархатному лугу
Или траву росистую щипали,

Иль голову кладя поочерёдно
Друг другу на спину, спокойно спали.
Так ехали они путём-дорогой
И наконец приехали в то царство,
Которым властвовал отец Ивана-
Царевича, премудрый царь Демьян
Данилович. И царство всё, от самых
Его границ до царского двора,
Объято было сном непробудимым;
И где они ни проезжали, всё
Там спало; на́ поле перед сохой
Стояли спящие волы; близ них
С своим бичом, взмахнутым и заснувшим
На взмахе, пахарь спал; среди большой
Дороги спал ездок с конём, и пыль,
Поднявшись, сонная, недвижным клубом
Стояла; в воздухе был мёртвый сон;
На деревах листы дремали молча;
И в ветвях сонные молчали птицы;
В селеньях, в городах всё было тихо,
Как будто в гробе: люди по домам,
На улицах, гуляя, сидя, стоя,
И с ними всё: собаки, кошки, куры,
В конюшнях лошади, в закутах овцы,
И мухи на стенах, и дым в трубах —
Всё спало. Так в отцовскую столицу
Иван-царевич напоследок прибыл
С царевной Еленою Прекрасной.
И, на широкий взъехав царский двор,
Они на нём лежащие два трупа
Увидели: то были Клим и Пётр
Царевичи, убитые Кощеем.
Иван-царевич, мимо караула,
Стоявшего в параде сонным строем,
Прошед, по лестнице повёл невесту
В покои царские. Был во дворце,
По случаю прибытия двух старших
Царёвых сыновей, богатый пир

В тот самый час, когда убил обоих
Царевичей и сон на весь народ
Навёл Кощей; весь пир в одно мгновенье
Тогда заснул, кто как сидел, кто как
Ходил, кто как плясал; и в этом сне
Ещё их всех нашёл Иван-царевич;
Демьян Данилович спал стоя; подле
Царя храпел министр его двора
С открытым ртом, с неконченным во рту
Докладом; и придворные чины,
Все вытянувшись, сонные стояли
Перед царём, уставив на него
Свои глаза, потухшие от сна,
С подобострастием на сонных лицах,
С заснувшею улыбкой на губах.
Иван-царевич, подошед с царевной
Еленою Прекрасною к царю,
Сказал: «Играйте, гусли-самогуды»,
И заиграли гусли-самогуды...
Вдруг всё очнулось, всё заговорило,
Запрыгало и заплясало; словно
Ни на минуту не был прерван пир.
А царь Демьян Данилович, увидя,
Что перед ним с царевною Еленой
Прекрасною стоит Иван-царевич,
Его любимый сын, едва совсем
Не обезумел: он смеялся, плакал,
Глядел на сына, глаз не отводя,
И целовал его, и миловал,
И напоследок так развеселился,
Что руки в боки и пошёл плясать
С царевною Еленою Прекрасной.
Потом он приказал стрелять из пушек,
Звонить в колокола и бирючам[1]
Столице возвестить, что возвратился

[1] Бирю́ч, или глаша́тай. — В старину так назывался человек, громким голосом объявлявший на улицах и площадях распоряжения правительства.

Иван-царевич, что ему полцарства
Теперь же уступает царь Демьян
Данилович, что он наименован
Наследником, что завтра брак его
С царевною Еленою свершится
В придворной церкви и что царь Демьян
Данилович весь свой народ зовёт
На свадьбу к сыну, всех военных, статских[1],
Министров, генералов, всех дворян
Богатых, всех дворян мелкопоместных,
Купцов, мещан, простых людей и даже
Всех нищих. И на следующий день
Невесту с женихом повёл Демьян
Данилович к венцу; когда же их
Перевенчали, тотчас поздравленье
Им принесли все знатные чины
Обоих полов; а народ на площади
Дворцовой той порой кипел, как море;
Когда же вышел с молодыми царь
К нему на золотой балкон, от крика:
Да здравствует наш государь Демьян
Данилович с наследником Иваном-
Царевичем и с дочерью царевной
Еленою Прекрасною! все зданья
Столицы дрогнули и от взлетевших
На воздух шапок божий день затмился.
Вот на обед все званные царём
Сошлися гости — вся его столица;
В домах осталися одни больные
Да дети, кошки и собаки. Тут
Своё проворство скатерть-самобранка
Явила: вдруг она на целый город
Раскинулась; сама собою площадь
Уставилась столами, и столы
По улицам в два ряда протянулись;
На всех столах сервиз был золотой,

---

[1] Статский — не военный, гражданский служащий.

И не стекло — хрусталь, а под столами
Шелко́вые ковры повсюду были
Разостланы; и всем гостям служили
Гайду́ки[1] в золотых ливреях. Был
Обед такой, какого никогда
Никто не слыхивал: уха́, как жидкий
Янтарь, сверкавшая в больших кастрюлях;
Огромно-жирные, длиною в сажень,
Из Волги стерляди на золотых
Узорных блюдах; кулебяка с сладкой
Начинкою, с груздями гуси, каша
С сметаною, блины с икрою свежей
И крупной, как жемчуг, и пироги
Подовые, потопленные в масле;
А для питья шипучий квас в хрустальных
Кувшинах, мартовское пиво, мёд
Душистый и вино из всех земель:
Шампанское, венгерское, мадера,
И ренское, и всякие наливки —
Короче молвить, скатерть-самобранка
Так отличилася, что было чудо.
Но и дубинка не лежала праздно:
Вся гвардия была за царский стол
Приглашена, вся даже городская
Полиция — дубинка молодецки
За всех одна служила: во дворце
Держала караул; она ж ходила
По улицам, чтоб наблюдать везде
Порядок: кто ей пьяный нападался,
Того она толкала в спину прямо
На съезжую[2]; кого ж в пустом где доме
За кражею она ловила, тот
Был так отшлёпан, что от воровства

---

[1] Гайду́к — слуга. В гайдуки брали очень высоких людей. Одетые в нарядную одежду — ливрею, они обычно стояли на запятках кареты, в которой ехал их хозяин.

[2] Съе́зжая — место при полицейском управлении, где наказывали розгами простой народ.

Навеки отрекался и вступал
В путь добродетели — дубинка, словом,
Неимоверные во время пира
Царю, гостям и городу всему
Услуги оказала. Между тем
Всё во дворце кипело, гости ели
И пили так, что с их румяных лиц
Катился пот; тут гусли-самогуды
Явили всё усердие своё:
При них не нужен был оркестр, и гости
Уж музыки наслышались такой,
Какая никогда им и во сне
Не грезилась. Но вот, когда, наполнив
Вином заздравный кубок, царь Демьян
Данилович хотел провозгласить
Сам многолетье новобрачным, громко
На площади раздался трубный звук;
Все изумились, все оторопели;
Царь с молодыми сам идёт к окну,
И что же их является очам?
Карета в восемь лошадей (трубач
С трубою впереди) к крыльцу дворца
Сквозь улицу толпы народной скачет;
И та карета золотая; кóзлы
С подушкою и бархатным покрыты
Намётом; назади шесть гайдуков;
Шесть скороходов по бокам; ливреи
На них из серого сукна, по швам
Басоны[1]; на каретных дверцах герб[2]:
В червлёном поле волчий хвост под графской
Короною. В карету заглянув,
Иван-царевич закричал: «Да это
Мой благодетель Серый Волк!» Его
Встречать бегом он побежал. И точно,

[1] Басóны — тесьма, которой для украшения обшивалась одежда слуг в барских домах.

[2] Герб — щит, на котором изображались знаки, присвоенные государству, городу или отдельному дворянскому роду.

Сидел в карете Серый Волк; Иван-
Царевич, подскочив к карете, дверцы
Сам отворил, подножку сам откинул
И гостя высадил; потом он, с ним
Поцеловавшись, взял его за лапу,
Ввёл во дворец и сам его царю
Представил. Серый Волк, отдав поклон
Царю, осанисто на задних лапах
Всех обошёл гостей, мужчин и дам,
И всем, как следует, по комплименту[1]
Приятному сказал; он был одет
Отлично: красная на голове
Ермолка с кисточкой, под морду лентой
Подвязанная; шёлковый платок
На шее; куртка с золотым шитьём;
Перчатки лайковые с бахромою;
Перепоясанные тонкой шалью
Из алого атла́са шаровары;
Сафьянные на задних лапах туфли,
И на хвосте серебряная сетка
С жемчужной кистью — так был Серый Волк
Одет. И всех своим он обхожденьем
Очаровал; не только что простые
Дворяне маленьких чинов и средних,
Но и чины придворные, статс-дамы
И фрейлины[2] все были от него
Как без ума. И, гостя за столом
С собою рядом посадив, Демьян
Данилович с ним кубком в кубок стукнул
И возгласил здоровье новобрачным,
И пушечный заздравный грянул залп.
Пир царский и народный продолжался
До тёмной ночи; а когда настала
Ночная тьма, жар-птицу на балконе

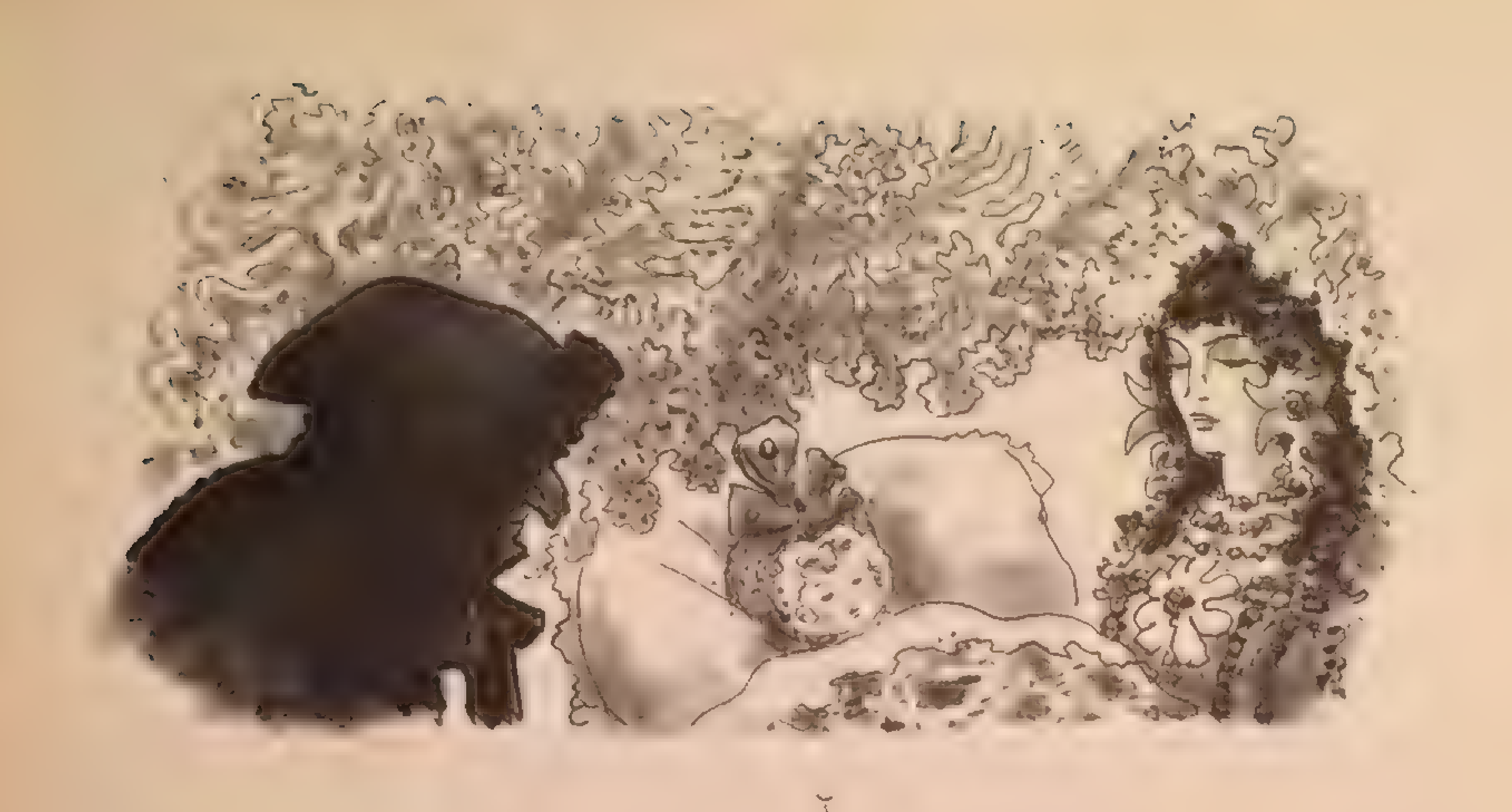
---

[1] Комплиме́нт — любезность, льстивая похвала.

[2] Статс-да́ма, фре́йлина — придворные звания, которые давались знатным женщинам, приближённым цариц и королев.

В её богатой клетке золотой
Поставили, и весь дворец, и площадь,
И улицы, кипевшие народом,
Яснее дня жар-птица осветила.
И до утра столица пировала.
Был ночевать оставлен Серый Волк;
Когда же на другое утро он,
Собравшись в путь, прощаться стал с Иваном-
Царевичем, его Иван-царевич
Стал уговаривать, чтоб он у них
Остался на житьё, и уверял,
Что всякую получит почесть он,
Что во дворце дадут ему квартиру,
Что будет он по чину в первом классе,
Что разом все получит ордена,
И прочее. Подумав, Серый Волк
В знак своего согласия Ивану-
Царевичу дал лапу, и Иван-
Царевич так был тронут тем, что лапу
Поцеловал. И во дворце стал жить
Да поживать по-царски Серый Волк.
Вот, наконец, по долгом, мирном, славном
Владычестве премудрый царь Демьян
Данилович скончался, на престол
Взошёл Иван Демьянович; с своей
Царицей он до самых поздних лет
Достигнул, и господь благословил
Их многими детьми; а Серый Волк
Душою в душу жил с царём Иваном
Демьяновичем, нянчился с его
Детьми, сам, как дитя, резвился с ними,
Меньши́м рассказывал нередко сказки,
А старших выучил читать, писать
И арифметике, и им давал
Полезные для сердца наставленья.
Вот напоследок, царствовав премудро,
И царь Иван Демьянович скончался;
За ним последовал и Серый Волк

В могилу. Но в его нашлись бумагах
Подробные записки обо всём,
Что на своём веку в лесу и свете
Заметил он, и мы из тех записок
Составили правдивый наш рассказ.



СПЯЩАЯ ЦАРЕВНА

Жил-был добрый царь Матвей;
Жил с царицею своей
Он в согласье много лет;
А детей всё нет как нет.
Раз царица на лугу,
На зелёном берегу
Ручейка была одна;
Горько плакала она.
Вдруг, глядит, ползёт к ней рак;
Он сказал царице так:
«Мне тебя, царица, жаль;
Но забудь свою печаль;
Понесёшь ты в эту ночь:
У тебя родится дочь». —
«Благодарствуй, добрый рак;
Не ждала тебя никак...»
Но уж рак уполз в ручей,
Не слыхав её речей.

Он, конечно, был пророк;
Что сказал — сбылося в срок:
Дочь царица родила.
Дочь прекрасна так была,
Что ни в сказке рассказать,
Ни пером не описать.
Вот царём Матвеем пир
Знатный дан на целый мир;
И на пир весёлый тот
Царь одиннадцать зовёт
Чародеек молодых;
Было ж всех двенадцать их;
Но двенадцатой одной,
Хромоногой, старой, злой,
Царь на праздник не позвал.
Отчего ж так оплошал
Наш разумный царь Матвей?
Было то обидно ей.
Так, но есть причина тут:
У царя двенадцать блюд
Драгоценных, золотых,
Было в царских кладовых;
Приготовили обед;
А двенадцатого нет!
(Кем украдено оно,
Знать об этом не дано.)
«Что ж тут делать? — царь сказал. —
Так и быть!» И не послал
Он на пир старухи звать.
Собралися пировать
Гостьи, званные царём;
Пили, ели, а потом,
Хлебосольного царя
За приём благодаря,
Стали дочь его дарить:
«Будешь в золоте ходить;
Будешь чудо красоты;
Будешь всем на радость ты

Благонравна и тиха;
Дам красавца жениха
Я тебе, моё дитя;
Жизнь твоя пройдёт шутя
Меж знакомых и родных...»
Словом, десять молодых
Чародеек, одарив
Так дитя наперерыв,
Удалились; в свой черёд
И последняя идёт;
Но ещё она сказать
Не успела слова — глядь!
А незваная стоит
Над царевной и ворчит:
«На пиру я не была,
Но подарок принесла:
На шестнадцатом году
Повстречаешь ты беду;
В этом возрасте своём
Руку ты веретеном
Оцарапаешь, мой свет,
И умрёшь во цвете лет!»
Проворчавши так, тотчас
Ведьма скрылася из глаз;
Но оставшаяся там
Речь домолвила: «Не дам
Без пути ругаться ей
Над царевною моей;
Будет то не смерть, а сон;
Триста лет продлится он;
Срок назначенный пройдёт,
И царевна оживёт;
Будет долго в свете жить;
Будут внуки веселить
Вместе с нею мать, отца
До земного их конца».
Скрылась гостья. Царь грустит;
Он не ест, не пьёт, не спит:

Как от смерти дочь спасти?
И, беду чтоб отвести,
Он даёт такой указ:
«Запрещается от нас
В нашем царстве сеять лён,
Прясть, сучить, чтоб веретён
Духу не было в домах;
Чтоб скорей как можно прях
Всех из царства выслать вон».
Царь, издав такой закон,
Начал пить, и есть, и спать,
Начал жить да поживать,
Как дотоле, без забот.
Дни проходят; дочь растёт;
Расцвела, как майский цвет;
Вот уж ей пятнадцать лет...
Что-то, что-то будет с ней!
Раз с царицею своей
Царь отправился гулять;
Но с собой царевну взять
Не случилось им; она
Вдруг соскучилась одна
В душной горнице сидеть
И на свет в окно глядеть.
«Дай, — сказала наконец, —
Осмотрю я наш дворец».
По дворцу она пошла:
Пышных комнат нет числа;
Всем любуется она;
Вот, глядит, отворена
Дверь в покой; в покое том
Вьётся лестница винтом
Вкруг столба; по ступеням
Всходит вверх и видит — там
Старушоночка сидит;
Гребень по́д носом торчит;
Старушоночка прядёт
И за пряжею поёт:

«Веретёнце, не ленись;
Пряжа тонкая, не рвись;
Скоро будет в добрый час
Гостья жданная у нас».
Гостья жданная вошла;
Пряха молча подала
В руки ей веретено;
Та взяла, и вмиг оно
Укололо руку ей...
Всё исчезло из очей;
На неё находит сон;
Вместе с ней объемлет он
Весь огромный царский дом;
Всё утихнуло кругом;
Возвращаясь во дворец,
На крыльце её отец
Пошатнулся, и зевнул,
И с царицею заснул;
Свита вся за ними спит;
Стража царская стоит
Под ружьём в глубоком сне,
И на спящем спит коне
Перед ней хорунжий[1] сам;
Неподвижно по стенам
Мухи сонные сидят;
У ворот собаки спят;
В стойлах, головы склонив,
Пышны гривы опустив,
Кони корму не едят,
Кони сном глубоким спят;
Повар спит перед огнём;
И огонь, объятый сном,
Не пылает, не горит,
Сонным пламенем стоит;
И не тронется над ним,
Свившись клубом, сонный дым;

---

[1] Хору́нжий — воин, который носил знамя полка, хоругвь.

И окрестность со дворцом
Вся объята мёртвым сном;
И покрыл окрестность бор;
Из терновника забор
Дикий бор тот окружил;
Он навек загородил
К дому царскому пути:
Долго, долго не найти
Никому туда следа —
И приблизиться беда!
Птица там не пролетит,
Близко зверь не пробежит,
Даже о́блака небес
На дремучий, тёмный лес
Не навеет ветерок.
Вот уж полный век протёк;
Словно не жил царь Матвей —
Так из памяти людей
Он изгладился давно.
Знали только то одно,
Что средь бора дом стоит,
Что царевна в доме спит,
Что проспать ей триста лет,
Что теперь к ней следу нет.
Много было смельчаков
(По сказанью стариков),
В лес брались они сходить,
Чтоб царевну разбудить;
Даже бились об заклад
И ходили — но назад
Не пришёл никто. С тех пор
В неприступный, страшный бор
Ни старик, ни молодой
За царевной ни ногой.
Время ж всё текло, текло;
Вот и триста лет прошло.
Что ж случилося? В один
День весенний царский сын,

Забавляясь ловлей, там
По долинам, по полям
С свитой ловчих разъезжал.
Вот от свиты он отстал;
И у бора вдруг один
Очутился царский сын.
Бор, он видит, тёмен, дик.
С ним встречается старик.
С стариком он в разговор:
«Расскажи про этот бор
Мне, старинушка честной!»
Покачавши головой,
Всё старик тут рассказал,
Что от дедов он слыхал
О чудесном боре том:
Как богатый царский дом
В нём давным-давно стоит,
Как царевна в доме спит,
Как её чудесен сон,
Как три века длится он,
Как во сне царевна ждёт,
Что спаситель к ней придёт;
Как опасны в лес пути,
Как пыталася дойти
До царевны молодёжь,
Как со всяким то ж да то ж
Приключалось: попадал
В лес, да там и погибал.
Был детина удалой
Царский сын; от сказки той
Вспыхнул он, как от огня;
Шпоры втиснул он в коня;
Прянул конь от острых шпор
И стрелой помчался в бор,
И в одно мгновенье там.
Что ж явилося очам
Сына царского? Забор,
Граждавший тёмный бор,

Не терновник уж густой,
Но кустарник молодой;
Блещут розы по кустам;
Перед витязем он сам
Расступился, как живой;
В лес въезжает витязь мой:
Всё свежо, красно́ пред ним;
По цветочкам молодым
Пляшут, блещут мотыльки;
Светлой змейкой ручейки
Вьются, пенятся, журчат;
Птицы прыгают, шумят
В густоте ветвей живых;
Лес душист, прохладен, тих,
И ничто не страшно в нём.
Едет гладким он путём
Час, другой; вот наконец
Перед ним стоит дворец,
Зданье — чудо старины;
Ворота́ отворены.
В ворота́ въезжает он;
На дворе встречает он
Тьму людей, и каждый спит:
Тот как вкопанный сидит;
Тот, не двигаясь, идёт;
Тот стоит, раскрывши рот:
Сном пресекся разговор,
И в устах молчит с тех пор
Недоконченная речь;
Тот, вздремав, когда-то лечь
Собрался, но не успел:
Сон *волшебный* овладел
Прежде сна *простого* им,
И, три века недвижим,
Не стоит он, не лежит
И, упасть готовый, спит.
Изумлён и поражён
Царский сын. Проходит он

Между сонными к дворцу;
Приближается к крыльцу;
По широким ступеням
Хочет вверх идти; но там
На ступенях царь лежит
И с царицей вместе спит.
Путь наверх загорожён.
«Как же быть? — подумал он. —
Где пробраться во дворец?»
Но решился наконец,
И, молитву сотворя,
Он шагнул через царя.
Весь дворец обходит он;
Пышно всё, но всюду сон,
Гробовая тишина.
Вдруг глядит: отворена
Дверь в покой; в покое том
Вьётся лестница винтом
Вкруг столба; по ступеням
Он взошёл. И что же там?
Вся душа его кипит,
Перед ним царевна спит.
Как дитя, лежит она,
Распылалася от сна;
Молод цвет её ланит[1];
Меж ресницами блестит
Пламя сонное очей;
Ночи тёмныя темней,
Заплетённые косой,
Кудри чёрной полосой
Обвились кругом чела[2];
Грудь как свежий снег бела;
На воздушный, тонкий стан
Брошен лёгкий сарафан;
Губки алые горят;
Руки белые лежат

---

[1] Лани́ты — щёки.
[2] Чело́ — лоб.

На трепещущих грудях;
Сжаты в лёгких сапожках
Ножки — чудо красотой.
Видом прелести такой
Отуманен, распалён,
Неподвижно смотрит он;
Неподвижно спит она.
Что ж разрушит силу сна?
Вот, чтоб душу насладить,
Чтоб хоть мало утолить
Жадность пламенных очей,
На колени ставши, к ней
Он приблизился лицом:
Распалительным огнём
Жарко рдеющих ланит
И дыханьем уст облит,
Он души не удержал
И её поцеловал.
Вмиг проснулася она;

И за нею вмиг от сна
Поднялося всё кругом:
Царь, царица, царский дом;
Снова говор, крик, возня;
Всё как было; словно дня
Не прошло с тех пор, как в сон
Весь тот край был погружён.
Царь на лестницу идёт;
Нагулявшися, ведёт
Он царицу в их покой;
Сзади свита вся толпой;
Стражи ружьями стучат;
Мухи стаями летят;
Приворотный лает пёс;
На конюшне свой овёс
Доедает добрый конь;
Повар дует на огонь,
И, треща, огонь горит,
И струёю дым бежит.
Всё бывалое — один
Небывалый царский сын.
Он с царевной наконец
Сходит сверху; мать, отец
Принялись их обнимать.
Что ж осталось досказать?
Свадьба, пир, и я там был
И вино на свадьбе пил;
По усам вино бежало,
В рот же капли не попало.

МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК

Жил маленький мальчик:
Был ростом он с пальчик,
Лицом был красавчик,
Как искры глазёнки,
Как пух волосёнки.
Он жил меж цветочков;
В тени их листочков
В жары отдыхал он,
И ночью там спал он;
С зарёй просыпался,
Живой умывался
Росой, наряжался
В листочек атласный
Лилеи прекрасной;
Проворную пчёлку
В свою одноколку

Из лёгкой скорлупки
Потом запрягал он,
И с пчёлкой летал он,
И жадные губки
С ней вместе впивал он
В цветы луговые.
К нему золотые
Цикады слетались
И с ним забавлялись,
Кружась с мотыльками,
Жужжа, и порхая,
И ярко сверкая
На солнце крылами;
Ночною ж порою,
Когда темнотою
Земля покрывалась
И в небе с луною
Одна за другою
Звезда зажигалась,
На луг благовонный
С лампадой зажжённой
Лазурно-блестящий,
К малютке являлся
Светляк; и сбирался
К нему вкруговую
На пляску ночную
Рой альфов летучий;
Они — как бегучий
Источник волнами —
Шумели крылами,
Свивались, сплетались,
Проворно качались
На тонких былинках,
В перловых купались
На травке росинках,
Как искры сверкали
И шумно плясали
Пред ним до полночи.

Когда же на очи
Ему усыпленье,
Под пляску, под пенье,
Сходило — смолкали
И вмиг исчезали
Плясуньи ночные;
Тогда, под живые
Цветы угнездившись
И в сон погрузившись,
Он спал под защитой
Их кровли, омытой
Росой, до восхода
Зари лучезарной
С границы янтарной
Небесного свода.
Так милый красавчик
Жил мальчик наш с пальчик...

КОТ В САПОГАХ

Жил мельник. Жил он, жил и умер,
Оставивши своим трём сыновьям
В наследство мельницу, осла, кота
И... только. Мельницу взял старший сын,
Осла взял средний; а меньшому дали
Кота. И был он крепко недоволен
Своим участком. «Братья, — рассуждал он, —
Сложившись, будут без нужды; а я,
Изжаривши кота, и съев, и сделав
Из шкурки муфту, чем потом начну
Хлеб добывать насущный?» Так он вслух,
С самим собою рассуждая, думал;
А Кот, тогда лежавший на печурке,
Разумное подслушав рассужденье,

Сказал ему: «Хозяин, не печалься;
Дай мне мешок да сапоги, чтоб мог я
Ходить за дичью по болоту — сам
Тогда увидишь, что не так-то беден
Участок твой». Хотя и не совсем
Был убеждён Котом своим хозяин,
Но уж не раз случалось замечать
Ему, как этот Кот искусно вёл
Войну против мышей и крыс, какие
Выдумывал он хитрости и как,
То мёртвым притворясь, висел на лапах
Вниз головой, то пудрился мукой,
То прятался в трубу, то под кадушкой
Лежал, свернувшись в ком; а потому
И слов Кота не пропустил он мимо
Ушей. И подлинно, когда он дал
Коту мешок и нарядил его
В большие сапоги, на шею Кот
Мешок надел и вышел на охоту
В такое место, где, он ведал, много
Водилось кроликов. В мешок насыпав
Трухи, его на землю положил он;
А сам вблизи, как мёртвый, растянулся
И терпеливо ждал, чтобы какой невинный,
Неопытный в науке жизни кролик
Пожаловал к мешку покушать сладкой
Трухи; и он недолго ждал; как раз
Перед мешком его явился глупый,
Вертлявый, долгоухий кролик; он
Мешок понюхал, поморгал ноздрями,
Потом и влез в мешок; а Кот проворно
Мешок стянул снурком[1] и без дальнейших
Приветствий гостя угостил по-свойски.
Победою довольный, во дворец
Пошёл он к королю и приказал,
Чтобы о нём немедля доложили.

---

[1] Снурóк — шнурок.

Велел ввести Кота в свой кабинет
Король. Вошед, он поклонился в пояс;
Потом сказал, потупив морду в землю:
«Я кролика, великий государь,
От моего принёс вам господина,
Маркиза[1] Карабаса (так он вздумал
Назвать хозяина); имеет честь
Он вашему величеству своё
Глубокое почтенье изъявить
И просит вас принять его гостинец». —
«Скажи маркизу, — отвечал король, —
Что я его благодарю и что
Я очень им доволен». Королю
Откланявшися, Кот пошёл домой;
Когда ж он шёл через дворец, то все
Вставали перед ним и жали лапу
Ему с улыбкой, потому что он
Был в кабинете принят королём
И с ним наедине (и, уж конечно,
О государственных делах) так долго
Беседовал; а Кот был так учтив,
Так обходителен, что все дивились
И думали, что жизнь свою провёл
Он в лучшем обществе. Спустя немного
Отправился опять на ловлю Кот,
В густую рожь засел с своим мешком
И там поймал двух жирных перепёлок;
И их немедленно он к королю,
Как прежде кролика, отнёс в гостинец
От своего маркиза Карабаса.
Охотник был король до перепёлок;
Опять позвать велел он в кабинет
Кота и, перепёлок сам принявши,
Благодарить маркиза Карабаса
Велел особенно. И так наш Кот
Недели три-четыре к королю

---

[1] Маркиз — почётное дворянское звание, титул.

От имени маркиза Карабаса
Носил и кроликов и перепёлок.
Вот он однажды сведал, что король
Сбирается прогуливаться в поле
С своею дочерью (а дочь была
Красавица, какой другой на свете
Никто не видывал) и что они
Поедут берегом реки. И он,
К хозяину поспешно прибежав,
Ему сказал: «Когда теперь меня
Послушаешься ты, то будешь разом
И счастлив и богат; вся хитрость в том,
Чтоб ты сейчас пошёл купаться в ре́ку;
Что будет после, знаю я; а ты
Сиди себе в воде да полоскайся,
Да ни о чём не хлопочи». Такой
Совет принять маркизу Карабасу
Нетрудно было; день был жаркий; он
С охотою отправился к реке,
Влез в воду и сидел в воде по горло.
А в это время был король уж близко.
Вдруг начал Кот кричать: «Разбой! Разбой!
Сюда, народ!» — «Что сделалось?» — подъехав,
Спросил король. «Маркиза Карабаса
Ограбили и бросили в реку;
Он тонет». Тут, по слову короля,
С ним бывшие придворные чины
Все кинулись ловить в воде маркиза.
А королю Кот на ухо шепнул:
«Я должен вашему величеству донесть,
Что бедный мой маркиз совсем раздет;
Разбойники всё платье унесли».
(А платье сам, мошенник, спрятал в куст.)
Король велел, чтобы один из бывших
С ним государственных министров снял
С себя мундир и дал его маркизу.
Министр тотчас разделся за кустом;
Маркиза же в его мундир одели;

И Кот его представил королю;
И королём был ласково он принят.
А так как он красавец был собою,
То и совсем не мудрено, что скоро
И дочери прекрасной королевской
Понравился; богатый же мундир
(Хотя на нём и не совсем в обтяжку
Сидел он, потому что брюхо было
У королевского министра) вид
Ему отличный придавал — короче,
Маркиз понравился; и сесть с собой
В коляску пригласил его король;
А сметливый наш Кот во все лопатки
Вперёд бежать пустился. Вот увидел
Он на лугу широком косарей,
Сбиравших сено; Кот им закричал:
«Король проедет здесь; и если вы
Ему не скажете, что этот луг
Принадлежит маркизу Карабасу,
То он вас всех прикажет изрубить
На мелкие куски».. Король, проехав,
Спросил: «Кому такой прекрасный луг
Принадлежит?» — «Маркизу Карабасу», —
Все закричали разом косари
(В такой их страх привёл проворный Кот).
«Богатые луга у вас, маркиз», —
Король заметил. А маркиз, смиренный
Принявши вид, ответствовал: «Луга
Изрядные». Тем временем поспешно
Вперёд ушедший Кот увидел в поле
Жнецов: они в снопы вязали рожь.
«Жнецы, — сказал он, — едет близко наш
Король. Он спросит вас: чья рожь? И если
Не скажете ему вы, что она
Принадлежит маркизу Карабасу,
То он вас всех прикажет изрубить
На мелкие куски». Король проехал.
«Кому принадлежит здесь поле?» — он

Спросил жнецов. «Маркизу Карабасу», —
Жнецы ему с поклоном отвечали.
Король опять сказал: «Маркиз, у вас
Богатые поля». Маркиз на то
По-прежнему ответствовал смиренно:
«Изрядные». А Кот бежал вперёд
И встречных всех учил, как королю
Им отвечать. Король был поражён
Богатствами маркиза Карабаса.
Вот наконец в великолепный замок
Кот прибежал. В том замке людоед
Волшебник жил, и Кот о нём уж знал
Всю подноготную; в минуту он
Смекнул, что делать: в замок смело
Вошед, он попросил у людоеда
Аудиенции[1]; и людоед,
Приняв его, спросил: «Какую нужду
Вы, Кот, во мне имеете?» На это
Кот отвечал: «Почтенный людоед,
Давно слух носится, что будто вы
Умеете во всякий превращаться,
Какой задумаете, вид; хотел бы
Узнать я, подлинно ль такая мудрость
Дана вам?» — «Это правда; сами, Кот,
Увидите». И мигом он явился
Ужасным львом с густой, косматой гривой
И острыми зубами. Кот при этом
Так струсил, что (хоть был и в сапогах)
В один прыжок под кровлей очутился.
А людоед, захохотавши, принял
Свой прежний вид и попросил Кота
К нему сойти. Спустившись с кровли, Кот
Сказал: «Хотелось бы, однако, знать мне,
Вы можете ль и в маленького зверя,
Вот, например, в мышонка, превратиться?» —
«Могу, — сказал с усмешкой людоед, —

[1] Попросил аудиéнции — то есть попросил принять его.

Что ж тут мудрёного?» И он явился
Вдруг маленьким мышонком. Кот того
И ждал; он разом: цап! и съел мышонка.
Король тем временем подъехал к замку,
Остановился и хотел узнать,
Чей был он. Кот же, рассчитавшись
С его владельцем, ждал уж у ворот
И в пояс кланялся, и говорил:
«Не будет ли угодно, государь,
Пожаловать на перепутье в замок
К маркизу Карабасу?» — «Как, маркиз, —
Спросил король, — и этот замок вам же
Принадлежит? Признаться, удивляюсь;
И будет мне приятно побывать в нём».
И приказал король своей коляске
К крыльцу подъехать; вышел из коляски;
Принцессе ж руку предложил маркиз;
И все пошли по лестнице высокой
В покои. Там в пространной галерее
Был стол накрыт и полдник приготовлен.
(На этот полдник людоед позвал
Приятелей, но те, узнав, что в замке
Король был, не вошли и все домой
Отправились.) И, сев за стол роскошный,
Король велел маркизу сесть меж ним
И дочерью; и стали пировать.
Когда же в голове у короля
Вино позашумело, он маркизу
Сказал: «Хотите ли, маркиз, чтоб дочь
Мою за вас я выдал?» Честь такую
С неимоверной радостию принял
Маркиз. И свадьбу вмиг сыграли. Кот
Остался при дворе и был в чины
Произведён; и в бархатных являлся
В дни табельные[1] сапогах. Он бросил
Ловить мышей, а если и ловил,

[1] Та́бельные дни — праздничные дни.

То это для того, чтобы немного
Себя развлечь и сплин[1], который нажил
Под старость при дворе, воспоминаньем
О светлых днях минувшего рассеять.

[1] Сплин — хандра, мрачное настроение.

ВОЙНА МЫШЕЙ И ЛЯГУШЕК

(Отрывок)

Слушайте; я расскажу вам, друзья, про мышей и лягушек.
Сказка ложь, а песня быль, говорят нам; но в этой
Сказке моей найдётся и правда. Милости ж просим
Тех, кто охотник в досужный часок пошутить, посмеяться,
Сказки послушать; а тех, кто любит смотреть исподлобья,
Всякую шутку считая за грех, мы просим покорно
К нам не ходить и дома сидеть да высиживать скуку.
Было прекрасное майское утро. Квакун двадесятый,
Царь знаменитой породы, властитель ближней трясины,
Вышел из мокрой столицы своей, окружённый блестящей
Свитой придворных. Вприпрыжку они взобрались
на пригорок,
Сочной травою покрытый, и там, на кочке усевшись,
Царь приказал из толпы его окружавших почётных
Стражей вызвать бойцов, чтоб его, царя, забавляли

Боем кулачным. Вышли бойцы; началося; у́ж много
Было лягушечьих морд царю в угожденье разбито;
Царь хохотал; от смеха придворная квакала свита
Вслед за его величеством; солнце взошло уж на полдень.
Вдруг из кустов молодец в прекрасной беленькой шубке,
С тоненьким хвостиком, острым, как стрелка,
на тоненьких ножках
Выскочил; следом за ним четыре таких же, но в шубах
Дымного цвета. Рысцой они подбежали к болоту.
Белая шубка, носик в болото уткнув и поднявши
Правую ножку, начал воду тянуть, и казалось,
Был для него тот напиток приятнее мёда; головку
Часто он вверх подымал, и вода с усатого рыльца
Мелким бисером падала; вдоволь напившись и лапкой
Рыльце обтёрши, сказал он: «Какое раздолье студёной
Выпить воды, утомившись от зноя! Теперь понимаю
То, что чувствовал Дарий, когда он, в бегстве из мутной
Лужи напившись, сказал: «Я не знаю вкуснее напитка!»
Эти слова одна из лягушек подслушала; тотчас
Скачет она с донесеньем к царю: из леса-де вышли
Пять каких-то зверьков, с усами турецкими, уши
Длинные, хвостики острые, лапки как руки; в осоку
Все они побежали и царскую воду в болоте
Пьют. А кто и откуда они, неизвестно. С десятком
Стражей Квакун посылает хорунжего Пышку проведать,
Кто незваные гости; когда неприятели — взять их,
Если дадутся; когда же соседи, пришедшие с миром, —
Дружески их пригласить к царю на беседу. Сошедши
Пышка с холма и увидя гостей, в минуту узнал их:
«Это мыши; не важное дело! Но мне не случалось
Белых меж ними видать, и это мне чу́дно. Смотрите ж, —
Спутникам тут он сказал: — никого не обидеть.
Я с ними
Сам на словах объяснюся. Увидим, что скажет мне белый».
Белый меж тем с удивленьем великим смотрел,
приподнявши,
Уши, на скачущих прямо к нему с пригорка лягушек;
Слуги его хотели бежать, но он удержал их,

Выступил бодро вперёд и ждал скакунов; и как скоро
Пышка с своими к болоту приблизился: «Здравствуй,
почтенный
Воин, — сказал он ему. — Прошу не взыскать, что без
спросу
Вашей воды напился я; мы все от охоты устали;
В это же время здесь никого не нашлось; благодарны
Очень мы вам за прекрасный напиток; и сами готовы
Равным добром за ваше добро заплатить: благодарность
Есть добродетель возвышенных душ». Удивлённый такою
Умною речью, ответствовал Пышка: «Милости просим
К нам, благородные гости; наш царь, о прибытии вашем
Сведав, весьма любопытен узнать, откуда вы родом,
Кто вы и как вас зовут. Я послан сюда пригласить вас
С ним на беседу. Рады мы очень, что вам показалась
Наша по вкусу вода; а платы не требуем: воду
Создал господь для всех на потребу, как воздух
и солнце».
Белая шубка учтиво ответствовал: «Царская воля
Будет исполнена; рад я к его величеству с вами
Вместе пойти, но только сухим путём, не водою;
Плавать я не умею; я царский сын и наследник
Царства мышиного». В это мгновенье, спустившись
с пригорка,
Царь Квакун со свитой своей приближался. Царевич
Белая шубка, увидя царя с такою толпою,
Несколько струсил, ибо не ведал, доброе ль, злое ль
Было у них на уме. Квакун отличался зелёным
Платьем, глаза навыкат сверкали, как звёзды, и пузом
Громко он, прядая, шлёпал. Царевич Белая шубка,
Вспомнивши, кто он, робость свою победил. Величаво
Он поклонился царю Квакуну. А царь, благосклонно
Лапку подавши ему, сказал: «Любезному гостю
Очень мы рады; садись, отдохни; ты из дальнего, верно,
Края, ибо до сих пор тебя нам видать не случалось».
Белая шубка, царю поклоняся опять, на зелёной
Травке уселся с ним рядом; а царь продолжал:
«Расскажи нам:

Кто ты? кто твой отец? кто мать? и откуда пришёл
к нам?
Здесь мы тебя угостим дружелюбно, когда, не таяся,
Правду всю скажешь: я царь и много имею богатства;
Будет нам сладко почтить дорогого гостя дарами». —
«Нет никакой мне причины, — ответствовал Белая
шубка, —
Царь-государь, утаивать истину. Сам я породы
Царской, весьма на земле знаменитой, отец мой из дома
Древних воинственных Бубликов, царь Долгохвост Иринарий
Третий; владеет пятью чердаками, наследием славных
Предков, но область свою он сам расширил войнами:
Три подполья, один амбар и две трети ветчинни[1]
Он покорил, победивши соседних царей; а в супруги
Взявши царевну Прасковью Пискунью белую шкурку,
Целый овин получил он за нею в приданое. В свете
Нет подобного царства. Я сын царя Долгохвоста,
Пётр Долгохвост, по прозванию *Хват*. Был я воспитан
В нашем столичном подполье премудрым Онуфрием-крысой.
Мастер я рыться в муке, таскать орехи; вскребаюсь
В сыр, и множество книг уж изгрыз, любя просвещенье.
Хватом же прозван я вот за какое смелое дело:
Раз случилось, что множество нас, молодых мышеняток,
Бегало по полю взапуски; я как шальной, раззадорясь,
Вспрыгнул с разбегу на льва, отдыхавшего в поле,
и в пышной
Гриве запутался; лев проснулся и лапой огромной
Стиснул меня; я подумал, что буду раздавлен, как мошка.
С духом собравшись, я высунул нос из-под лапы;
«Лев-государь, — ему я сказал, — мне и в мысль
не входило
Милость твою оскорбить; пощади, не губи; не ровён час,
Сам я тебе пригожуся». Лев улыбнулся (конечно,
Он уж покушать успел) и сказал мне: «Ты, вижу,
забавник.
Льву услужить ты задумал. Добро, мы посмотрим, какую

---

[1] Ветчи́ння (ветчи́нница) — заведение, где коптят окорока.

Милость окажешь ты нам? Ступай». Тогда он раздвинул
Лапу; а я давай бог ноги; но вот что случилось:
Дня не прошло, как все мы испуганы были в подпольях
Наших львиным рыканьем; смутилась, как будто от бури,
Вся сторона; я не струсил; выбежал в поле и что же
В поле увидел? Царь Лев, запутавшись в крепких тенётах[1]
Мечется, бьётся, как бешеный; кровью глаза налилися,
Лапами рвёт он верёвки, зубами грызёт их; и было
Всё то напрасно; лишь боле себя он запутывал. «Видишь,
Лев-государь, — сказал я ему, — что и я пригодился.
Будь спокоен, в минуту тебя мы избавим». И тотчас
Созвал я дюжину ловких мышат; принялись мы работать
Зубом; узлы перегрызли тенёт, и Лев распутлялся.
Важно кивнув головою косматой и нас допустивши
К царской лапе своей, он гриву расправил, ударил
Сильным хвостом по бедрам и в три прыжка очутился
В ближнем лесу, где вмиг и пропал. По этому делу
Прозван я *Хватом,* и славу свою поддержать я стараюсь;
Страшного нет для меня ничего; я знаю, что смелым
Бог владеет. Но должно, однако, признаться, что всюду
Здесь мы встречаем опасность; так бог уж землю устроил.
Всё здесь воюет: с травою Овца, с Овцою голодный
Волк, Собака с Волком, с Собакой Медведь,
а с Медведем
Лев; Человек же и Льва, и Медведя, и всех побеждает.
Так и у нас, отважных Мышей, есть много опасных,
Сильных гонителей: Совы, Ласточки, Кошки, а всех их
Злее козни людские. И тяжко подчас нам приходит.
Я, однако, спокоен; я помню, что мне мой наставник
Мудрый, крыса Онуфрий, твердил: бéды нас смирению
Учат. С верой такою ничто не беда. Я доволен
Тем, что имею: счастию рад, а в несчастье не хмурюсь».
Царь Квакун со вниманием слушал Петра Долгохвоста.
«Гость дорогой, — сказал он ему, — признаюсь
откровенно:
Столь разумные речи меня в изумленье приводят.

[1] Тенёта — сеть для ловли зверей.

Мудрость такая в такие цветущие лета! Мне сладко
Слушать тебя: и приятность и польза! Теперь опиши мне
То, что случалось когда с мышиным вашим народом,
Что от врагов вы терпели и с кем когда воевали». —
«Должен я прежде о том рассказать, какие нам козни
Строит[1] наш хитрый двуногий злодей, Человек. Он ужасно
Жаден; он хочет всю землю заграбить один и с Мышами
В вечной вражде. Не исчислить всех выдумок хитрых,
какими
Наше он племя избыть замышляет. Вот, например, он
Домик затеял построить: два входа, широкий и узкий;
Узкий заделан решёткой, широкий — с подъёмною дверью.
Домик он этот поставил у самого входа в подполье.
Нам же сдуру на мысли взбрело, что, поладить
С нами желая, для нас учредил он гостиницу. Жирный
Кус ветчины там висел и манил нас; вот целый десяток
Смелых охотников вызвались в домик забраться, без платы
В нём отобедать и верные вести принесть нам.
Входят они, но только что начали дружно висячий
Кус ветчины тормошить, как подъёмная дверь
с превеликим
Стуком упала и всех их захлопнула. Тут поразило
Страшное зрелище нас: увидели мы, как злодеи
Наших героев таскали за хвост и в воду бросали.
Все они пали жертвой любви к ветчине и к отчизне.
Было нечто и хуже. Двуногий злодей наготовил
Множество вкусных для нас пирожков и расклал их,
Словно как добрый, по всем закоулкам; народ наш
Очень доверчив и ветрен; мы лакомки; бросилась жадно
Вся молодёжь на добычу. Но что же случилось? Об этом
Вспомнить — мороз подирает по коже! Открылся
в подполье
Мор; отравой злодей угостил нас. Как будто шальные,
С пиру пришли удальцы: глаза навыкат, разинув
Рты, умирая от жажды, взад и вперёд по подполью

---

[1] Кóзни строить — замышлять против кого-нибудь втайне зло, делать зло.

Бегали с писком они, родных, друзей и знакомых
Боле не зная в лицо; наконец, утомясь, обессилев,
Все попáдали мёртвые лапками вверх; запустела
Целая область от этой беды; от ужасного смрада
Трупов ушли мы в другое подполье, и край наш родимый
Надолго был обезмышен. Но главное бедствие наше
Ныне в том, что губитель двуногий крепко сдружился,
Нам ко вреду, с сибирским котом, Федотом Мурлыкой.
Кошачий род давно враждует с мышиным. Но этот
Хитрый котище Федот Мурлыка для нас наказанье
Божие. Вот как я с ним познакомился. Глупым мышонком
Был я ещё и не знал ничего. И мне захотелось
Высунуть нос из подполья. Но мать-царица Прасковья
С крысой Онуфрием крепко-накрепко мне запретили
Норку мою покидать; но я не послушался, в щёлку
Выглянул: вижу камнем выстланный двор; освещало
Солнце его, и окна огромного дома светились;
Птицы летали и пели. Глаза у меня разбежались.
Выйти не смея, смотрю я из щёлки и вижу, на дальнем
Крае двора зверок усастый, сизая шкурка,
Розовый нос, зелёные глазки, пушистые уши,
Тихо сидит и за птичками смотрит; а хвостик, как змейка,
Так и виляет. Потом он своею бархатной лапкой
Начал усастое рыльце себе умывать. Облилося
Радостью сердце моё, и я уж сбирался покинуть
Щёлку, чтоб с милым зверьком познакомиться. Вдруг зашумело
Что-то вблизи; оглянувшись, так я и обмер. Какой-то
Страшный урод ко мне подходил; широко шагая,
Чёрные ноги свои подымал он, и когти кривые
С острыми шпорами были на них; на уродливой шее
Длинные косы висели змеями; нос крючковатый;
Под носом трясся какой-то мохнатый мешок, и как будто
Красный с зубчатой верхушкой колпак, с головы перегнувшись,
По носу бился, а сзади какие-то длинные крючья,
Разного цвета, торчали снопом. Не успел я от страха
В память прийти, как с обоих боков поднялись у урода

Словно как парусы, начали хлопать, и он, раздвоивши
Острый нос свой, так заорал, что меня как дубиной
Треснуло. Как прибежал я назад в подполье, не помню.
Крыса Онуфрий, услышав о том, что случилось со мною,
Так и ахнул. «Тебя помиловал бог, — он сказал мне: —
Свечку ты должен поставить уроду, который так кстати
Криком своим тебя испугал; ведь это наш добрый
Сторож-петух; он горлан и с своими большой забияка;
Нам же, мышам, он приносит и пользу: когда закричит он,
Знаем мы все, что проснулися наши враги; а приятель,
Так обольстивший тебя своей лицемерною харей,
Был не иной кто, как наш злодей записной, объедало
Кот Мурлыка; хорош бы ты был, когда бы с знакомством
К этому плуту подъехал: тебя б он порядком погладил
Бархатной лапкой своею; будь же вперёд осторожен».
Долго рассказывать мне об этом проклятом Мурлыке;
Каждый день от него у нас недочёт. Расскажу я
Только то, что случилось недавно. Разнёсся в подполье
Слух, что Мурлыку повесили. Наши лазутчики[1] сами
Видели это глазами своими. Вскружилось подполье;
Шум, беготня, пискотня, скаканье, кувырканье, пляска, —
Словом, мы все одурели, и сам мой Онуфрий премудрый
С радости так напился, что подрался с царицей и в драке
Хвост у неё откусил, за что был и высечен больно.
Что же случилось потом? Не разведавши дела порядком,
Вздумали мы кота погребать, и надгробное слово
Тотчас поспело. Его сочинил поэт наш подпольный
Клим, по прозванью Бешеный Хвост; такое прозванье
Дали ему за то, что, стихи читая, всегда он
В меру вилял хвостом, и хвост, как маятник, стукал.
Всё изготовив, отправились мы на поминки к Мурлыке;
Вылезло множество нас из подполья; глядим мы,
и вправду
Кот Мурлыка в ветчинне висит на бревне, и подвешен
За ноги, мордою вниз; оскалены зубы; как палка,
Вытянут весь; и спина, и хвост, и передние лапы
Словно как мёрзлые; оба глаза глядят не моргая.

[1] Лазу́тчики — разведчики, проникающие в тыл врага.

Все запищали мы хором: «Повешен Мурлыка, повешен
Кот окаянный; довольно ты, кот, погулял; погуляем
Нынче и мы». И шесть смельчаков тотчас взобралися
Вверх по бревну, чтоб Мурлыкины лапы распутать, но лапы
Сами держались, когтями вцепившись в бревно, а верёвки
Не было там никакой, и лишь только к ним прикоснулись
Наши ребята, как вдруг распустилися когти, и на пол
Хлопнулся кот, как мешок. Мы все по углам разбежались
В страхе и смотрим, что́ будет. Мурлыка лежит
и не дышит,
Ус не тронется, глаз не моргнёт; мертвец, да и только.
Вот, ободрясь, из углов мы к нему подступать понемногу
Начали; кто посмелее, тот дёрнет за хвост, да и тягу
Даст от него; тот лапкой ему погрозит; тот подразнит
Сзади его языком; а кто ещё посмелее,
Тот, подкравшись, хвостом в носу у него пощекочет, —
Кот ни с места, как пень. «Берегитесь, — тогда нам
сказала
Старая мышь Степанида, которой Мурлыкины когти
Были знакомы (у ней он весь зад ободрал, и насилу
Как-то она от него уплела), — берегитесь: Мурлыка
Старый мошенник; ведь он висел без верёвки, а это
Знак недобрый; и шкурка цела у него». То услыша,
Громко мы все засмеялись. «Смейтесь, чтоб после
не плакать, —
Мышь Степанида сказала опять, — а я не товарищ
Вам». И поспешно, созвав мышеняток своих, убралася
С ними в подполье она. А мы принялись как шальные
Прыгать, скакать и кота тормошить. Наконец, поуставши,
Все мы уселись в кружок перед мордой его, и поэт наш
Клим, по прозванию Бешеный Хвост, на Мурлыкино пузо
Взлезши, начал оттуда читать нам надгробное слово,
Мы же при каждом стихе хохотали. И вот что прочёл он:
«Жил Мурлыка; был Мурлыка кот сибирский,
Рост богатырский, сизая шкурка, усы как у турка;
Был он бешен, на краже помешан, за то и повешен,
Радуйся наше подполье!..» Но только успел проповедник
Это слово промолвить, как вдруг наш покойник очнулся.

Мы бежать... Куда ты! пошла ужасная травля.
Двадцать из нас осталось на месте, а раненых втрое
Более было. Тот воротился с ободранным пузом,
Тот без уха, другой с отъеденной мордой; иному
Хвост был оторван; у многих так страшно искусаны были
Спины, что шкурки мотались, как тряпки; царицу
Прасковью
Чуть успели в нору уволочь за задние лапки;
Царь Иринарий спасся с рубцом на носу; но премудрый
Крыса Онуфрий с Климом-поэтом достались Мурлыке
Прежде других на обед. Так кончился пир наш бедою».

. . . .

ОДИССЕЙ В ПЕЩЕРЕ ЦИКЛОПА

(Из поэмы «Одиссея»)

Автор «Одиссеи» — легендарный поэт Древней Греции Гомер. Он жил более двух с половиной тысяч лет тому назад. «Одиссея» рассказывает нам о сказочно-фантастических, увлекательных приключениях царя острова Итаки — хитроумного Одиссея.

В глубокой древности в Малой Азии, близ Средиземного моря, находилось богатое Троянское царство. В течение многих лет греки тщетно пытались покорить столицу этого царства — славный город Трою. Лишь с помощью хитрости, предложенной Одиссеем, на десятом году войны грекам удалось наконец овладеть Троей.

Разрушив Трою, греческие воины направились домой, в Грецию. Однако неожиданные препятствия и приключения на многие годы задержали их в пути.

Только через десять лет Одиссей — главный герой поэмы, отважный путешественник, моряк и неутомимый искатель приключений — попал в Итаку, в родной свой дом.

Где только не побывал Одиссей за эти годы! Он посетил Фракию — страну, населённую мстительными киконами. Приплыл он и в Страну Пожирателей Лотоса, замечательную тем, что в ней росли «сладкомедвяные» лотосы, отведав которых человек тотчас терял память и проникался лишь одним желанием: навсегда остаться в этой стране и вкушать «сладкомедвяные» цветы. Силою пришлось Одиссею притащить своих спутников, не желавших покидать страну лотосов, на корабль и крепко привязать их к корабельным скамьям, для того чтобы они не сбежали обратно на землю.

Побывал Одиссей и на острове Эола — повелителя ветров. Эол подарил Одиссею стянутый серебряной нитью мешок, заключавший в себе буреносные ветры. Когда корабли, на которых плыли Одиссей и его спутники, уже приближались к берегам родного острова Итаки, любопытные спутники Одиссея захотели узнать содержимое кожаного мешка и, развязав его, нечаянно выпустили из него ветры. Ветры тотчас подняли на море жестокую бурю, занёсшую корабли Одиссея вновь в неведомое море.

И начался для Одиссея и его спутников новый круг испытаний и приключений.

Морские волны прибивают их остроносые корабли к земле свирепых великанов-людоедов — лестригонов. Немало кораблей и спутников Одиссея погибло у берегов этой земли.

Однажды пристали они к острову злой волшебницы Цирцеи. Цирцея превратила спутников Одиссея в стадо хрюкающих свиней. Однако избегнувший колдовства Одиссей добился того, что она сняла с них свои чары и вновь вернула им человеческий облик.

Побывали Одиссей и его спутники и на самом краю света, в мрачной области Аида, где, по верованиям греков, жили тени умерших героев.

Каких только опасностей и препятствий не встречали они на многодневном своём и трудном пути в родную Грецию!

Неизбежной, казалось, гибелью грозил путешественникам Остров Сирен. Сирены чарующим своим пением завлекали.

моряков в морские глубины и на прибрежные скалы. Только благодаря предусмотрительности Одиссея им удалось избежать неминуемой смерти: он велел всем своим спутникам плотно залепить себе уши воском, а самого себя крепко привязать канатами к мачте ещё задолго до того, как они поравнялись с Островом Сирен.

Разнообразны и занимательны приключения Одиссея и его спутников, рассказанные в поэме Гомера «Одиссея». Её с увлечением читают миллионы людей: «Одиссея» давно уже переведена на большинство языков мира.

На русский язык поэма была впервые переведена В. А. Жуковским.

«Одиссея» не только занимательная, рассказывающая о сказочно-фантастических приключениях повесть — она знакомит нас и с событиями из истории Древней Греции, с чудесными древнегреческими преданиями, с обычаями и нравами тогдашних людей.

Ниже вы прочтёте отрывок из девятой песни «Одиссеи» (всего в ней двадцать четыре песни). В нём рассказывается о приключениях Одиссея и двенадцати его спутников на острове свирепых одноглазых великанов-циклопов.

* * *

Далее поплыли мы, сокрушённые сердцем, и в землю
Прибыли сильных, свирепых, не знающих правды циклопов.
Там беззаботно они, под защитой бессмертных[1] имея
Всё, ни руками не сеют, ни плугом не пашут; земля там
Тучная щедро сама без паханья и сева даёт им
Рожь, и пшено, и ячмень, и роскошных кистей винограда
Полные лозы, и сам их Кронион[2] дождём оплождает.
Нет между ними ни сходбищ народных, ни общих советов;
В тёмных пещерах они иль на горных вершинах высоких
Вольно живут; над женой и детьми безотчётно там каждый
Властвует, зная себя одного, о других не заботясь.
Есть островок там пустынный и дикий; лежит он на тёмном

[1] Бессме́ртные. — Бессмертными греки называли своих богов.
[2] Кронио́н — один из богов у древних греков.

Лоне морском, ни далёко, ни близко от брега циклопов,
Лесом покрытый; в великом там множестве дикие козы
Водятся; их никогда не тревожил шагов человека
Шум; никогда не заглядывал к ним звероловец, за дичью
С тяжким трудом по горам крутобоким со псами бродящий;
Там не пасутся стада и земли не касаются плуги;
Там ни в какие дни года ни сеют, ни пашут; людей там
Нет; без боязни там ходят одни тонконогие козы,
Ибо циклопы ещё кораблей красногрудых не знают;
Нет между ними искусников, опытных в хитром строенье
Крепких судов, из которых бы каждый, моря обтекая,
Разных народов страны посещал, как бывает, что ходят
По морю люди, с другими людьми дружелюбно знакомясь.
Дикий тот остров могли обратить бы в цветущий циклопы;
Он не бесплоден; там всё бы роскошно рождалося к сроку;
Сходят широкой отлогостью к морю луга там густые,
Влажные, мягкие; много б везде разрослось винограда;
Плугу легко покоряся, поля бы покрылись высокой
Рожью и жатва была бы на тучной земле изобильна.
Есть там надёжная пристань, в которой не нужно ни тяжкий
Якорь бросать, ни канатом привязывать шаткое судно;
Может оно простоять безопасно там, сколько захочет
Плаватель сам иль пока не подымется ветер попутный.
В самой вершине залива прозрачно ввергается в море
Ключ, из пещеры бегущий под сению тополей чёрных.
В эту мы пристань вошли с кораблями; в ночной темноте нам
Путь указал благодетельный демон: был остров невидим;
Влажный туман окружал корабли: не светила Селена[1]
С неба высокого; тучи его покрывали густые:
Острова было нельзя различить нам глазами во мраке;
Видеть и длинных, широ́ко на берег отлогий бегущих
Волн не могли мы, пока корабли не коснулися брега.
Но лишь коснулися брега они, паруса мы свернули;
Сами же, вышед на брег, поражаемый шумно волнами,
Сну предались в ожиданье восхода на небо денницы.

---

[1] Селе́на — богиня луны у древних греков.

Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос[1];
Весь обошли с удивленьем великим мы остров пустынный;
Нимфы[2] же, дочери Зевса-эгидодержавца[3], пригнали
Коз, обвеваемых ветрами гор для богатой нам пищи;
Гибкие луки, охотничьи лёгкие копья немедля
Взяли с своих кораблей мы и, на три толпы разделяся,
Начали битву; и бог благосклонный великой добычей
Нас наградил: все двенадцать моих кораблей запасли мы;
Девять на каждый досталось по жеребью коз; для себя же
Выбрал я десять. И целый мы день до вечернего мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались,
Ибо ещё на моих кораблях золотого довольно
Было вина: мы наполнили много скудельных сосудов
Сладким напитком, разрушивши город священный киконов[4].
С острова ж в области близкой циклопов нам ясно был виден
Дым; голоса их, блеянье их коз и баранов могли мы
Слышать. Тем временем солнце померкло и тьма наступила.
Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Верных товарищей я на совет пригласил и сказал им:
«Все вы, товарищи верные, здесь без меня оставайтесь;
Я же, с моим кораблём и моими людьми удаляся,
Сведать о том попытаюсь, какой там народ обитает:
Дикий ли, нравом свирепый, не знающий веры и правды
Или приветливый, богобоязненный, гостеприимный».
Так я сказал и, вступив на корабль, повелел, чтоб за мною
Люди мои на него все взошли и канат отвязали;
Люди взошли на корабль и, севши на лавках у вёсел,
Разом могучими вёслами вспенили тёмные воды.
К берегу близкому скоро пристав с кораблём, мы открыли
В крайнем, у самого моря стоявшем утёсе пещеру,

---

[1] Эос — богиня утренней зари. «Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос» — то есть появилась утренняя заря, начался рассвет.

[2] Ни́мфы — богини леса, рек, моря у древних греков.

[3] Зевс-эгидодержа́вец — могущественнейший из богов древних греков.

[4] Кико́ны — жители Фракии.

Густо одетую лавром, пространную, где собирался
Мелкий во множестве скот; там высокой стеной из огромных,
Грубо набросанных камней был двор обведён, и стояли
Частым забором вокруг черноглавые дубы и сосны.
Муж великанского роста в пещере той жил; одиноко
Пас он баранов и коз и ни с кем из других не водился;
Был нелюдим он, свиреп, никакого не ведал закона;
Видом и ростом чудовищным в страх приводя, он несходен
Был с человеком, вкушающим хлеб, и казался лесистой,
Дикой вершиной горы, над другими воздвигшейся грозно.
Спутникам верным моим повелел я остаться на бреге
Близ корабля и его сторожить неусыпно; с собой же
Взявши двенадцать надёжных и самых отважных, пошёл я
С ними; и мы запаслися вина драгоценного полным мехом...
Если когда тем пурпурно-медвяным вином насладиться
В ком пробуждалось желанье, то, в чашу его нацедивши,
В двадцать раз боле воды подбавляли, и запах из чаши
Был несказанный: не мог тут никто от питья воздержаться.
Взял я с собой тем напитком наполненный мех и съестного
Полный кошель: говорило мне вещее сердце, что встречу
Страшного мужа чудовищной силы, свирепого нравом,
Чуждого добрым обычаям, чуждого вере и правде.
Шагом поспешным к пещере приблизились мы, но его в ней
Не было; коз и баранов он пас на лугу недалёком.
Начали всё мы в пещере пространной осматривать; много
Было сыров в тростниковых корзинах, в отдельных закутах
Заперты были козлята, барашки, по возрастам разным в порядке
Там размещённые: старшие с старшими, средние подле
Средних и с младшими младшие; вёдра и чаши
Были до самых краёв налиты простоквашей густою.
Спутники стали меня убеждать, чтоб, запасшись сырами,
Боле я в страшной пещере не медлил, чтоб все мы скорее,
Взявши в закутах отборных козлят и барашков, с добычей
Нашей на быстрый корабль убежали и в море пустились.
Я, на беду, отказался полезный совет их исполнить;
Видеть его мне хотелось в надежде, что, нас угостивши,
Даст нам подарок; но встретиться с ним не на радость нам было.
Яркий огонь разложив, совершили мы жертву; добывши

Сыру потом и насытив свой голод, остались в пещере
Ждать, чтоб со стадом в неё возвратился хозяин. И скоро
С ношею дров, для варенья вечерния пищи, явился
Он и со стуком на землю дрова перед входом пещеры
Бросил; объятые страхом, мы спрятались в угол; пригнавши
Стадо откормленных коз и волнистых баранов к пещере,
Маток в неё он впустил, а самцов, и козлов и баранов,
Прежде от них отделив, на дворе перед входом оставил.
Кончив, чтоб вход заградить, несказанно великий с земли он
Камень, который и двадцать два воза четыреколёсных
С места б не сдвинули, поднял: подобен скале необъятной
Был он; его подхвативши и вход им пещеры задвинув,
Сел он и маток доить принялся надлежащим порядком,
Коз и овец; подоив же, под каждую матку её он
Клал сосуна. Половину отлив молока в плетеницы,
В них он оставил его, чтоб оно огустело для сыра;
Всё ж молоко остальное разлил по сосудам, чтоб после
Пить по утрам иль за ужином, с пажити стадо пригнавши.
Кончив с заботливым спехом работу свою, наконец он
Яркий огонь разложил, нас увидел и грубо сказал нам:
«Странники, кто вы? Откуда пришли водяною дорогой?
Дело ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду,
Взад и вперёд по морям, как добычники вольные, мчася,
Жизнью играя своей и беды приключая народам?»
Так он сказал нам; у каждого замерло милое сердце:
Голос гремящий и образ чудовища в трепет привёл нас.
Но, ободрясь, напоследок ответствовал так я циклопу:
«Все мы ахейцы[1]; плывём от далёкия Трои; сюда же
Бурею нас принесло по волнам беспредельного моря.
В милую землю отцов возвращаясь, с прямого пути мы
Сбились; так было, конечно, угодно могучему Зевсу.
Ныне к коленам припавши твоим, мы тебя умоляем
Нас, бесприютных, к себе дружелюбно принять и подарок
Дать нам, каким завсегда на прощанье гостей наделяют.
Ты же убойся богов; мы пришельцы, мы ищем покрова;
Мстит за пришельцев отверженных строго небесный Кронион,
Бог-гостелюбец, священного странника вождь и заступник».

[1] Ахе́йцы — греки.

Так я сказал; с неописанной злостью циклоп отвечал мне:
«Видно, что ты издалёка иль вовсе безумен, пришелец,
Если мог вздумать, что я побоюсь иль уважу бессмертных.
Нам, циклопам, нет нужды ни в боге Зевесе, ни в прочих
Ваших блаженных богах; мы породой их всех знаменитей;
Страх громовержца Зевеса разгневать меня не принудит
Вас пощадить; поступлю я, как мне самому то угодно.
Ты же теперь мне скажи, где корабль, на котором пришли вы
К нам? Далеко ли иль близко отсюда стоит он? То ведать
Должен я». — Так, искушая, он хитро спросил. Остерёгшись,
Хитрыми сам я словами ответствовал злому циклопу:
«Бог Посидон[1], колебатель земли, мой корабль уничтожил,
Бросив его недалёко от здешнего брега на камни
Мыса крутого, и бурное море обломки умчало.
Мне ж и со мною немногим от смерти спастись удалося».
Так я сказал, и, ответа не дав никакого, он быстро
Прянул, как бешеный зверь, и, огромные вытянув руки,
Разом меж нами двоих, как щенят, подхватил и ударил
Оземь; их череп разбился; обрызгало мозгом пещеру.
Он же, обоих рассекши на части, из них свой ужасный
Ужин состряпал и жадно, как лев, разъяряемый гладом,
Съел их, ни кости, ни мяса куска, ни утроб не оставив.
Мы, святотатного дела свидетели, руки со стоном
К Дию отцу подымали; наш ум помутился от скорби.
Чрево наполнив своё человеческим мясом и свежим
Страшную пищу запив молоком, людоед беззаботно
Между козлов и баранов на голой земле растянулся.
Тут подошёл я к нему с дерзновенным намереньем сердца,
Острый свой меч обнаживши, чудовищу мстящею медью
Тело в том месте пронзить, где под грудью находится печень.
Меч мой уж был занесён; но иное на мысли пришло мне:
С ним неизбежно и нас бы постигнула верная гибель:
Все совокупно мы были б не в силах от входа пещеры
Слабою нашей рукою тяжёлой скалы отодвинуть.
С трепетом сердца мы ждали явленья божественной Эос:
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.

[1] Посидóн, или Посейдóн, — бог моря у древних греков.

Встал он; огонь разложил и доить принялся по порядку
Коз и овец; подоив же, под каждую матку её он
Клал сосуна; окончив с заботливым спехом работу,
Снова из нас он похитил двоих на ужасную пищу.
Съев их, он выгнал шумящее стадо из тёмной пещеры.
Мощной рукой оттолкнувши утёс приворотный, им двери
Снова он запер, как лёгкою кровлей колчан запирают.
С свистом погнал он на горное пастбище тучное стадо.
Я ж, в заключенье оставленный, начал выдумывать средство,
Как бы врагу отомстить, и молил о защите Палладу[1].
Вот что, размыслив, нашёл наконец я удобным и верным:
В козьей закуте стояла дубина циклопова, свежий
Ствол им обрубленной маслины дикой; его он, очистив,
Сохнуть поставил в закуту, чтоб после гулять с ним; подобен
Нам показался он мачте, какая на многовесельном,
С грузом товаров моря обтекающем судне бывает;
Был он, конечно, как мачта длиной, толщиною и весом.
Взявши тот ствол и мечом от него отрубивши три локтя[2],
Выгладить чисто отрубок велел я товарищам; скоро
Выглажен был он; своею рукою его заострил я;
После, обжегши на угольях острый конец, мы поспешно
Кол, приготовленный к делу, зарыли в навозе, который
Кучей огромной набросан был в смрадной пещере циклопа.
Кончив, своих пригласил я сопутников жеребий кинуть,
Кто между ними колом обожжённым поможет пронзить мне
Глаз людоеду, как скоро глубокому сну он предастся.
Жеребий дал четырёх мне и самых надёжных, которых
Сам бы я выбрал, и к ним я пристал не по жеребью пятый.
Вечером, жирное стадо гоня, людоед возвратился;
Но, отворивши пещеру, в неё он уж полное стадо
Ввёл, не оставив на внешнем дворе ни козла, ни барана
(Было ли в нём подозренье иль демон его надоумил).
Снова пещеру задвинув скалой необъятно тяжёлой,
Сел он и маток доить принялся надлежащим порядком,

---

[1] Палла́да, или Афи́на Палла́да, — богиня войны и науки у древних греков.
[2] Ло́коть — греческая мера длины; равна длине локтевой кости.

Коз и овец; подоив же, под каждую матку её он
Клал сосуна. И, окончив работу, рукой беспощадной
Снова двоих он из нас подхватил и по-прежнему съел их.
Тут подошёл я отважно и речь обратил к людоеду,
Полную чашу вина золотого ему предлагая:
«Выпей, циклоп, золотого вина, человечьим насытясь
Мясом; узнаешь, какой драгоценный напиток на нашем
Был корабле; для тебя я его сохранил, уповая
Милость в тебе обрести: но свирепствуешь ты нестерпимо.
Кто же вперёд, беспощадный, тебя посетит из живущих
Многих людей, о твоих беззаконных поступках услышав?»
Так говорил я; взяв чашу, её осушил он, и вкусным
Крепкий напиток ему показался; другой попросил он
Чаши. «Налей мне, — сказал он, — ещё и своё назови мне
Имя, чтоб мог приготовить тебе я приличный подарок.
Есть и у нас, у циклопов, роскошных кистей винограда
Полные лозы, и сам их Кронион дождём оплождает;
Твой же напиток — амврозия[1] чистая с нектаром[2] сладким»
Так он сказал, и другую я чашу вином искромётным
Налил. Ещё попросил он, и третью безумцу я подал.
Стало шуметь огневое вино в голове людоеда.
Я обратился к нему с обольстительно сладкою речью:
«Славное имя моё ты, циклоп, любопытствуешь сведать,
С тем чтоб, меня угостив, и обычный мне сделать подарок?
Я называюсь *Никто:* мне такое название дали
Мать и отец, и товарищи так все меня величают».
С злобной насмешкою мне отвечал людоед звероправный:
«Знай же, *Никто* мой любезный, что будешь ты самый последний
Съеден, когда я разделаюсь с прочими; вот мой подарок».
Тут повалился он навзничь, совсем опьянелый; и набок
Свисла могучая шея и всепобеждающей силой
Сон овладел им; вино и куски человечьего мяса
Выбросил он из разинутой пасти, не в меру напившись.

---

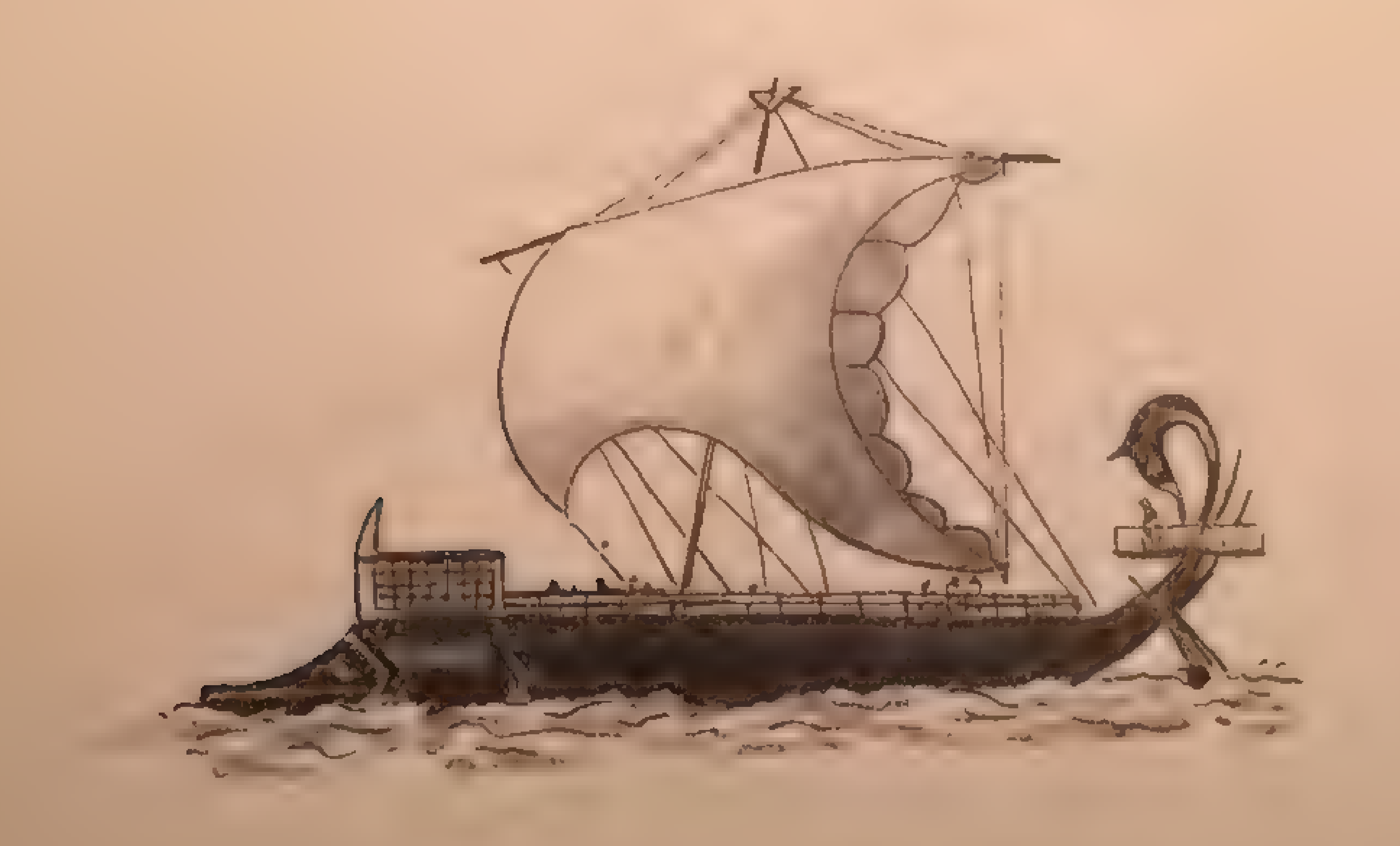
[1] Амвро́зия, или амбро́зия, — по верованиям древних греков, пища богов, дающая им бессмертие.

[2] Некта́р — по верованиям древних греков, чудесный напиток богов, дающий им бессмертие.

Кол свой достав, мы его остриём на огонь положили;
Тотчас зардел он; тогда я, товарищей выбранных кликнув,
Их ободрил, чтоб со мною решительны были в опасном
Деле. Уже начинал положённый на уголья кол наш
Пламя давать, разгоревшись, хотя и сырой был; поспешно
Вынул его из огня я; товарищи смело с обоих
Стали боков — божество в них, конечно, вложило отважность;
Кол обхватили они и его остриём раскалённым
Втиснули спящему в глаз...
Дико завыл людоед — застонала от воя пещера.
В страхе мы кинулись прочь; с несказанной свирепостью вырвав
Кол из пронзённого глаза, облитый кипучею кровью,
Сильной рукой от себя он его отшвырнул; в исступленье
Начал он криком циклопов сзывать, обитавших в глубоких
Гротах окрест и на горных, лобзаемых ветром вершинах.
Громкие вопли услышав, отвсюду сбежались циклопы;
Вход обступили пещеры они и спросили: «Зачем ты
Созвал нас всех, Полифем? Что случилось? На что ты
Сладкий наш сон и спокойствие ночи божественной прервал?
Коз ли твоих и баранов кто дерзко похитил? Иль сам ты
Гибнешь? Но кто же тебя здесь обманом иль силою губит?»
Им отвечал он из тёмной пещеры отчаянно диким
Рёвом: *«Никто!* Но своей я оплошностью гибну; *Никто* бы
Силой не мог повредить мне». В сердцах закричали циклопы:
«Если никто, для чего же один так ревёшь ты? Но если
Болен, то воля на это Зевеса, её не избегнешь.
В помощь отца своего призови Посидона-владыку».
Так говорили они удаляясь. Во мне же смеялось
Сердце, что вымыслом имени всех мне спасти удалося.
Охая тяжко, с кряхтеньем и стоном ошарив руками
Стены, циклоп отодвинул от входа скалу, перед нею
Сел и огромные вытянул руки, надеясь, что в стаде,
Мимо его проходящем, нас всех переловит; конечно,
Думал свирепый глупец, что и я был, как он, без рассудка.
Я ж осторожным умом вымышлял и обдумывал средство,
Как бы себя и товарищей бодрых избавить от верной
Гибели; многие хитрости, разные способы тщетно
Мыслям моим представлялись, а бедствие было уж близко.

Вот что, по думанье долгом, удобнейшим мне показалось:
Были бараны большие, покрытые длинною шерстью,
Жирные, мощные, в стаде; руно их, как шёлк, волновалось.
Я потихоньку сплетёнными крепкими лыками, вырвав
Их из рогожи, служившей постелью злому циклопу,
По три барана связал; человек был подвязан под каждым
Средним, другими двумя по бокам защищённый; на каждых
Трёх был один из товарищей наших; а сам я?.. Дебелый,
Рослый, с роскошною шерстью был в стаде баран; обхвативши
Мягкую спину его, я повис на руках под шершавым
Брюхом; а руки (в руно несказанно густое впустив их)
Длинною шерстью обвил и на ней терпеливо держался.
С трепетом сердца мы ждали явленья божественной Эос.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос:
К выходу все побежали самцы, и козлы и бараны;
Матки ж, ещё не доённые, жалко блеяли в закутах,
Брызжа из длинных сосцов молоком; господин их, от боли
Охая, щупал руками у всех, пробегающих мимо,
Пышные спины; но, глупый, он был угадать неспособен,
Что у иных под волнистой скрывалося грудью; последний
Шёл мой баран; и медлительным шагом он шёл, отягчённый
Длинною шерстью и мной, размышлявшим в то время о многом.
Спину ощупав его, с ним циклоп разговаривать начал:
«Ты ль, мой прекрасный любимец? Зачем же пещеру последний
Ныне покинул? Ты прежде ленив и медлителен не был.
Первый всегда, величаво ступая, на луг выходил ты
Сладкоцветущей травою питаться; ты в полдень к потоку
Первый бежал; и у всех впереди возвращался в пещеру
Вечером. Ныне ж идёшь ты последний; знать, чувствуешь
сам ты,
Бедный, что око моё за тобой уж не смотрит; лишён я
Светлого зренья гнусным бродягою; здесь он вином мне
Ум отуманил; его называют *Никто;* но ещё он
Власти моей не избегнул! Когда бы, мой друг, говорить ты
Мог, ты сказал бы, где спрятался враг ненавистный; я череп
Вмиг раздробил бы ему и разбрызгал бы мозг по пещере,
Оземь ударив его и на части раздёрнув; отомстил бы
Я за обиду, какую *Никто,* злоковарный разбойник,

Здесь мне нанёс». Так сказав, он барана пустил на свободу.
Я ж, недалёко от входа пещеры и внешней ограды
Первый став на ноги, путников всех отвязал и немедля
С ними всё стадо козлов тонконогих и жирных баранов
Собрал; обходами многими их мы погнали на взморье
К нашему судну. И сладко товарищам было нас встретить,
Гибели верной избегших; хотели о милых погибших
Плакать они; но, мигнув им глазами, чтоб плач удержали,
Стадо козлов и баранов взвести на корабль наш немедля
Я повелел: отойти мне от берега в море хотелось.
Люди мои собралися и, севши на лавках у вёсел,
Разом могучими вёслами вспенили тёмные волны...
Далее поплыли мы в сокрушенье великом о милых
Мёртвых, но радуясь в сердце, что сами спаслися от смерти.



СОДЕРЖАНИЕ

И. Воробьёва. Василий Андреевич Жуковский 3

СТИХИ

«Родного неба милый свет...» 9
«Там небеса и воды ясны!..» 10
Птичка . . . . —
Жаворонок 11
Котик и козлик . . . . —
Летний вечер . . . . —
Загадки 13
Вечер 14
Солнце и Борей . . . . —
Лесной царь *(Баллада)* 16
Море 17
Дружба 18

СКАЗКИ

Сказка об Иване-царевиче и Сером Волке 21
Спящая царевна 61
Мальчик с пальчик 73
Кот в сапогах 76
Война мышей и лягушек *(Отрывок)* . . 86
Одиссей в пещере циклопа *(Из поэмы «Одиссея»)* 98

Для начальной школы

Василий Андреевич Жуковский

СТИХИ И СКАЗКИ

ИБ № 1066

Ответственный редактор *Г. И. Гусева.* Художественный редактор *М. Д. Суховцева* Технические редакторы *Е. В. Пальмова* и *И. П. Савенкова.* Корректор *Е. Е. Кайрукштис.* Сдано в набор 4/I 1977 г. Подписано к печати 4/VII 1977 г. Формат 70×90/16. Бум. офс. № 1. Печ. л. 7. Усл. печ. л. 8,19. Уч.-изд. л. 5,92 Тираж 600 000 экз. Заказ № 590. Цена 40 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

40 коп.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА